

ЧАСТНЫЙ

# ЛУЧШИЙ ДЕТЕКТИВ



АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВ  
ОЛЬГА МОЛЧАНОВА  
АЛИНА МАРЧУК



Лучший детектив

Александр Николаев

**Лучший частный детектив**

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

## **Николаев А.**

Лучший частный детектив / А. Николаев —  
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,  
— (Лучший детектив)

Порой профессиональные полицейские в расследовании заходят в тупик. В таких делах необходим свежий незашоренный взгляд, смекалка, наблюдательность, готовность пойти на риск и добиться результата. Поэтому часто первопроходцами и авторами дедуктивных методов оказываются вовсе не полицейские, а частные сыщики. Именно их неординарные способности приводят преступников за решетку. Ведь удача любит смелых! В подтверждение предлагаем такие произведения из сборника «Лучший частный детектив»: «Клуб частных расследований» Александра Николаева, «Тени» Ольги Молчановой и «Когнитивный диссонанс» Алины Марчик.

© Николаев А.  
© Мультимедийное издательство  
Стрельбицкого

## Содержание

Александр Николаев	5
От автора	5
Не загоняйте крысу в угол	7
1	7
2	12
3	15
4	17
5	23
Призрак и Сэра	27
1	27
2	28
3	29
4	31
5	34
6	37
7	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

# ЛУЧШИЙ ЧАСТНЫЙ ДЕТЕКТИВ

## Александр Николаев Клуб частных расследований

*Приключения можно найти всюду, если уметь искать.  
Из сериала «Мыслить как преступник» (Criminal minds)*

### От автора

Этот роман, представляющий собой сборник самостоятельных повествований, по замыслу предназначается для взрослого человека, жизнь которого неравномерно распределена между работой, семьёй и организацией быта. Между этими процессами, конечно же, случаются паузы отдыха. Они – если только протекают не на курорте – непродолжительны и заполнены, как правило, либо просмотром фильмов, либо блужданием по бескрайним просторам Интернета, либо чтением, что последнее время встречается всё реже. Даже беглый анализ содержания просматриваемых фильмов и читаемых книг показывает, что в подавляющем своём большинстве это приключения, фантастика, реже любовная драма, хотя любовь, секс и связанные с ними переживания в той или иной мере присутствуют практически в любом жанре. Да и как иначе, ведь это одни из базовых составляющих человеческой жизни.

Молодым людям современные IT-технологии предоставляют все более совершенные возможности погрузиться внутрь виртуального мира, где в процессе игры можно обрести своё второе Я, стать Героем с немислимыми возможностями, участником невероятных по остроте ощущений событий. Опасным в этом случае является возврат в действительность, которая кажется совершенно убогой по сравнению с виртуальной вселенной. Искусственное раздвоение личности, увы, не всегда проходит бесследно для геймера с неокрепшей психикой.

Думаю, что подобный выбор развлечений не удивителен. Отвлекаясь от обыденности, человек подсознательно стремится уйти в яркий, но несуществующий мир острых ощущений. По этой причине очередным жанром, в котором Автору хотелось попробовать свои силы, и стал жанр «лёгкой» литературы.

По замыслу это должны быть динамично протекающие события, дополненные лёгким налётом мистики, приключений, фантастики. При этом смешение реальности и вымысла должно быть естественным, словно дыхание. Основная часть действия протекает в старом Городе, легко узнаваемом по отдельным фрагментам, истории, архитектуре. Каждое повествование представляет собой законченное произведение, связанное с остальными, как правило, только лишь главными героями – живыми людьми со всеми присущими им достоинствами, недостатками, привычками.

При этом Автор считает своим долгом напомнить Читателю, что предлагаемые ему рассказы не являются документальными. Они вымышлены, и всё описанное в них, кроме отдельных событий, реально случившихся в прошлом, никогда не происходило в действительности. Вымышлены также переписка и заметки известных исторических личностей (Н.Тесла, Л. Писаржевский и другие). Все совпадения живших в прошлом или живущих ныне в Городе лиц с персонажами повествований могут быть только случайными, и по этой причине не стоит искать в своём окружении прототипов «хороших» или «плохих» героев.

Искренне ваш А. Н.

6 декабря 2015 г., г. Днепропетровск.

## Не загоняйте крысу в угол

### 1

Меня зовут Игорь Зарубин. Мне тридцать пять лет, мой рост составляет один метр восемьдесят три сантиметра, вес – семьдесят девять килограммов. Я журналист, работаю в свободном режиме, в основном, на редакцию нашей городской «Вечерней газеты» и на ряд иногородних издательств. Сейчас человека, который, являясь внештатным сотрудником, самостоятельно планирует свою деятельность, называют фрилансером. Так что я и есть типичный представитель этой пока ещё узкой прослойки современного общества.

Моим хобби является журналистское расследование различных запутанных дел, с которыми наши граждане по каким-то причинам не хотят обращаться в полицию. Обычно материалы такого рода редакторы охотно принимают к печати, поскольку они мгновенно повышают тираж газет и журналов. У меня хорошо получается эта работа, которую не всегда можно назвать безопасной.

Друг моего далёкого детства – майор полиции Алексей Успенцев – вот уже несколько лет возглавляет городской убойный отдел. Так уж случилось, что от рождения мы с ним жили в одном подъезде – я на четвёртом, а он на пятом этаже, – посещали один и тот же детский сад, учились в ближайшей школе, и только университеты развели нас по разным городам. Я учился в Киеве, а мой друг – в Харькове.

Где-то в седьмом классе, прочитав рассказы Конан Дойла о приключениях Шерлока Холмса и доктора Ватсона, мы с Лёшкой решили, что наша взрослая жизнь будет полна таких же необыкновенных историй. С тех пор прошло много лет. Наши детские планы несколько изменились, но, в целом, благодаря своей работе и особенностям характера, мы не можем пожаловаться на отсутствие острых моментов, добавляющих адреналин в текущую обыденность бытия.

Имея доступ к различной информации, в том числе и закрытой, майор Успенцев является не только надёжным помощником в моей работе, но и тем человеком, который каждый раз после завершения очередного приключения утверждает, будто бы его опыт подсказывает, что стремление достичь в журналистских расследованиях высот Шерлока Холмса рано или поздно пагубно сказывается на здоровье разного рода дилетантов. В особенности, если в критической ситуации его, то есть Алексея Успенцева, не окажется рядом, как, увы, уже случилось не раз. На эту сентенцию, игнорируя намёк в отношении дилетантов, я уже привычно отвечаю: «Спокойно, Ватсон! Никому ещё в этом мире не удалось обмануть свою судьбу».

Пятница, вне всякого сомнения, лучший день недели. Впереди не только суббота и воскресенье, но ещё и вечер, когда можно или расслабиться от текущих проблем и просто побездельничать, или завершить нечто важное, после чего уик-энд станет только ярче и послужит прологом для очередного этапа в жизни не обременённого семьёй ещё достаточно молодого человека.

Отношения с моей нынешней подругой подошли к тому моменту, когда всё отчётливее понимаешь, что перспектив они не имеют, и пора разрывать этот случайно образовавшийся альянс, сделав это как-то наименее болезненно для обеих сторон. Я думал сегодня провести с девушкой последний вечер, аккуратно расставить точки в нужных местах и расстаться, сохранив, в общем, довольно приятные воспоминания об этом коротком эпизоде в своей биографии.

Предстоящий разговор несколько омрачал пятничное настроение, но это обстоятельство не являлось критическим. Так, по крайней мере, мне казалось, когда часы на стене моего

кабинета показали шесть часов. На улице подходил к концу май, погода была просто чудной, и я пригласил Вику к семи часам вечера в ресторанчик, недавно открывшийся на набережной. В нем веранда со стеклянным полом была вынесена в сторону реки, создавая у посетителей, сидевших над водой, необычное впечатление.

Я успел принять душ, переодеться и без четверти семь уже расположился за дальним столиком в углу, рассматривая пять ярко-жёлтых роз, стоящих в вазе. Вика любила этот цвет, считая его символом удачи и богатства. Она появилась на набережной за несколько минут до семи. Удивительно, но эта девушка никогда не опаздывала. Мы с ней встречаемся уже более полугода, но я не припомню случая, чтобы мне пришлось ждать её: она всегда приходила вовремя.

Красивая стройная брюнетка лет тридцати, хозяйка популярного в нашем городе салона красоты, она до сих пор оставалась для меня некоторой загадкой. Обычно, знакомясь с человеком, я со временем привычно составляю его психологический портрет. И мне всегда это удавалось, но только не в случае с Викторией. Мои попытки проникнуть в её внутренний мир и прошлую жизнь каждый раз наталкивались на невидимый ментальный барьер, преодолеть который я так и не смог.

Это обстоятельство, признаться, порядком раздражало, но потом я решил, что от эффектной умной подруги, с которой очень нескучно в жизни и постели, не стоит требовать большего. Ведь единственной, собственно, причиной для растущего внутреннего дискомфорта был её холодноватый взгляд, который мне случалось иногда ловить на себе. Я пишуший человек с достаточно развитым воображением, и в мою голову всё чаще приходила неуютная мысль, что именно так рассматривает самка богомола своего возлюбленного, находящегося на пике любви.

Я сделал пару шагов навстречу Виктории, привычно поцеловал упругую складочку в уголке губ и усадил за стол. Она обрадовалась цветам и удобнее устроилась в кресле:

– По какому поводу гуляем сегодня?

– Повод, как ты догадываешься, можно найти всегда. Например, сегодня пятница, число, слава Богу, не тринадцатое, погода просто шепчет о необходимости выпить и расслабиться. Этого уже достаточно для начала.

Она внимательно посмотрела на меня:

– Но можно и продолжить этот перечень, не так ли?

Её интуиция всегда поражала меня:

– Да, любой перечень при желании можно продолжить, но не будем спешить, если ты не возражаешь. Что бы ты хотела выпить?

– Виски со льдом, пожалуй.

Вика, видимо, задалась целью удивлять меня сегодня.

– И что так? Почему, например, не «Киндзмараули»? Ты же любишь вино, а хозяин этого заведения утверждает, что его доставляют сюда в бочках прямо из Грузии. Проверить это, конечно, сложно, но очень похоже на правду.

– Нет, пусть будет «Джек Дэниэлс». Сегодня хочется чего-то более крепкого.

– Как скажешь, дорогая, виски так виски. Так, может, какой-нибудь односолодовый?

– Нет, хочу, чтобы был «Джек Дэниэлс».

Мне показалось, что в её голосе промелькнула едва заметная жёсткая нотка. Раньше этого не случалось. Где-то в глубине моего сознания родилась и тут же угасла искра лёгкого раздражения. Мы заказали всё, что полагается к виски. Официант быстро принёс янтарный напиток, минеральную воду, тонко нарезанную бастурму, набор сыров и удалился, сказав, что телячьи стейки и запеченные на углях овощи будут готовы приблизительно через полчаса.

– Хочу предложить тост, – сказала Вика, подняв стакан. – За наше будущее! Если, конечно, ты не возражаешь, дорогой.

– Зачем же возражать: будущее у нас состоится в любом случае, и это вряд ли зависит от нашего желания. Я, например, собираюсь жить очень долго и, по возможности, счастливо. Поэтому уточняю: не просто за будущее, а за счастливое будущее. Надеюсь, у тебя нет иных возражений по этому поводу?

– Рада за тебя, дорогой, но я имела в виду не просто будущее, а наше совместное будущее: моё и твоё. И, разумеется, счастливое.

– Вот как... Такое продолжение наших отношений мы ещё не рассматривали. Наверное, это стоит обсудить, дорогая, но для начала давай просто выпьем, как ты и предложила с моим небольшим уточнением. За наше счастливое будущее – твоё и моё, которое начинается вот уже сейчас, с этого момента.

– Хорошо, давай выпьем и будем считать, что отсчёт этого нашего будущего уже пошёл.

Мы, непривычно внимательно глядя друг другу в глаза, сдвинули наши стаканы и, не сговариваясь, выпили их содержимое до дна. Про себя я отметил, что разговор, хотя и начался не совсем так, как хотелось бы, но по его направленности, в целом, отвечал моим замыслам.

Оценив качество бастурмы, я наполнил стаканы, добавил по кусочку льда и осторожно спросил:

– Прости за вопрос, но почему именно сегодня ты решила поднять вопрос о нашем совместном будущем?

Она пожала плечами:

– Не могу сказать, почему именно сегодня, хотя с самого утра мне непременно хотелось знать, каким ты видишь свою будущую жизнь, и какое место в ней отведено мне. Мы встречаемся с тобой уже более полугода, и мне кажется, нам комфортно быть вместе. Мы оба не бедны, умеем зарабатывать деньги и могли бы построить хорошую совместную жизнь. Извини, но если мужчина в тридцать пять ещё совсем молод, то женщине в моём бальзаковском возрасте уже стоит подумать о детях и о том, кто будет их отцом. Мы никогда не говорили об этом, но рано или поздно к этой проблеме пришлось бы обратиться. Так почему бы не сегодня? Или у тебя, дорогой, другие планы в отношении меня, о которых мне не известно?

Я усмехнулся:

– Твой последний вопрос прозвучал как-то угрожающе. Тебе так не показалось, дорогая?

– Нет, не показалось. Может, я задала его несколько жестковато, но зато прямо, без ненужных виляний: не тот это случай, когда нужно прибегать к иносказаниям. На прямой вопрос такого рода должен быть дан такой же прямой ответ: либо да, либо нет.

– Боже мой, да что это с тобой сегодня? Я не узнаю тебя, Вика. Скажи, у тебя что-то случилось за эти пару дней, когда мы не виделись?

– Возможно, но это не имеет никакого отношения к теме нашего разговора. Кстати, давай выпьем, раз ты уже налил.

– Хорошая мысль, может, это позволит как-то снизить так неожиданно разразившийся накал страстей за этим столом.

– Может, но не уверена, поскольку ещё не накалялась.

– Даже так? Ты ещё не накалялась, но, надо полагать, что всё ещё впереди... Вот уж действительно, чудны дела твои, Господи. Тогда за тебя, Вика, твоё здоровье, дорогая!

– Спасибо, дорогой!

К этому времени я уже ощущал, как во мне просыпается тот самый дворовой пацан, который никогда не допускал насилия над собой. Внешне это было незаметно, но внутри

меня как бы возникала стена, за которой оставалась большая часть воспитания вместе с возможностью компромисса. В такие минуты даже Успенцев остерегался пускать в мою сторону свои привычные шуточки.

Я отхлебнул воды, рассматривая сидящую передо мной девушку. Если ещё перед выходом из дома меня одолевали какие-то сомнения в правильности моего решения, то теперь они отпали начисто. Она, не поднимая головы, аккуратно разрежала крупные маслины пополам. Этих долек на тарелке было уже довольно много, но она продолжала резать.

– Скажи, Вика, – продолжил я разговор, – а каким ты представляешь отца твоих будущих детей?

Она нанизала на вилку несколько половинок маслин и тщательно прожевала их, рассматривая при этом меня, словно видела впервые.

– Это несложно, мой дорогой. Он должен быть из интеллигентной семьи, умён, образован, с хорошим чувством юмора. Отец моих детей создаст им впоследствии достойную жизнь и защитит в случае опасности. Я же, в свою очередь, обеспечу ему соответствующий имидж, секс – это не сложно – и при этом он совсем не обязательно должен любить меня. Это лишнее: мы ведь цивилизованные люди. Короче, ты, Игорёк, как никто другой подходишь под это описание.

– Спасибо, дорогая, твой ответ был исчерпывающим. Не хочешь выслушать от меня подобный вопрос?

– А зачем? Что тебя не устраивает во мне?

– Ты не поверишь, но многое.

– Даже так?

– Увы, даже так. Например, мне хотелось бы знать, радость моя, была ли ты замужем?

Виктория взяла бутылку, молча наполнила наши стаканы, и так же молча отхлебнула виски.

– Ну, допустим, была... Что это меняет? Ты ведь никогда раньше не спрашивал об этом. В моём возрасте из десяти девушек девять успели хотя бы раз побывать замужем. Кого этим удивишь в наше время?

– Ты как всегда права: этим никого не удивишь, и меня – в том числе. Но я хотел бы также знать, кем был твой муж, где он сейчас и чем занимается.

– Зачем это тебе?

– Я так хочу. Этого достаточно?

Тон, которым была произнесена эта фраза, заставил её сделать ещё один глоток виски.

– Ну, хорошо, если ты настаиваешь. Мой муж, насколько я знаю, последние лет десять служил наёмником в разных странах.

– В каких именно?

– Чечня, Приднестровье, Сербия, потом ещё где-то, но я уже не припомню.

– Салон куплен на его деньги?

– Да, за исключением небольшой части, принадлежащей моему брату.

– Рад узнать, что у тебя, оказывается, есть ещё и брат. А что значит «служил»? Он погиб или пропал без вести?

– Скорее второе, поскольку вот уже два года от него не было никаких известий.

– Это интересно! То есть ты не уверена в том, что твой муж погиб, и, тем не менее, рассматриваешь вариант, в соответствии с которым я становлюсь отцом твоих будущих детей. А что, если он жив, и у него окажутся свои планы и на тебя, и на салон, да и на меня, если копнуть глубже?

– Не бери в голову: он не объявится.

– Отчего ты так уверена?

– Оттого! Знаю и всё. И не нужно больше пустых вопросов, давай лучше выпьем по традиции за любовь: это же третий тост.

Я символически пополнил наши стаканы, мы молча чокнулись и выпили.

– Хочешь ещё о чём-то спросить?

– Конечно, например, где находится твой брат, чем он занимается, и почему я раньше ничего не слышал о нём? Он у тебя что, агент под прикрытием?

– Зачем тебе это? У брата своя жизнь, у меня – своя.

– Допустим, хотя деньги в салон, по твоим словам, он вложил. Так где же он?

– Здесь, в городе. У него небольшое частное охранное предприятие.

– Тоже забавно. Часто за такими предприятиями кроются не совсем законные дела.

– Почему ты так решил?

– Ты забываешь о специфике моей работы, о том, где и кем служит мой друг. Ну хорошо, оставим в покое брата. А ваши родители живы?

– Увы, нет. Они погибли в дорожной аварии, когда мне было пять лет, а брату – пятнадцать. Мы оба воспитывались в детском доме, и это отдельная тема для разговора, который мне неприятен. Ещё будут вопросы?

– Пока нет, мне есть о чем подумать.

– Тогда я выйду подпудрить носик, дорогой, а ты пока задумайся заодно и над моим предложением.

Она ушла, и я, глядя ей вслед, думал о том, что она, безусловно, красива, умна и, очень может быть, даже в какой-то мере опасна. Последнее предположение родилось интуитивно, как следствие сложной работы сознания. Я всегда доверял этому чувству, и оно никогда не подводило меня. Успенцев даже как-то заметил, что, наверное, в предыдущей своей жизни мне пришлось быть хищником, и, скорее всего, волком. У моего друга вообще бурная фантазия, но просто поразительно, как часто при этом он оказывался прав в своих смелых предположениях.

Виктория вернулась спустя десять минут.

– Ну, и что ты решил, дорогой?

– Я решил, дорогая Виктория, что сегодня ты на редкость категорична и прямолинейна, чего никогда не случалось с тобой раньше. Не знаю, чем это вызвано, но причина должна быть. Я не стану допытываться, что стоит за этим, но вынужден ответить тебе отказом. Прости, если это не вписывается в твои matrimониальные планы.

Она довольно долго рассматривала меня, прежде чем эта фраза сорвалась с её губ:

– Ты понимаешь, что сейчас унизил женщину, которая предложила тебе свою руку и сердце, как было принято говорить в незапамятные времена? Хотя это предложение должно было следовать от тебя, поскольку из нас двоих – ты мужчина, но ты этого не сделал. Не боишься женской мести?

В эту минуту я с трудом удержался от грубого ответа и, выдохнув воздух, произнёс:

– Нет, не боюсь. А в отношении предложения руки и сердца должен заметить, что оно было сделано в весьма специфической форме. По крайней мере, мне так показалось.

– Прости, уж как смогла. Так говоришь, что не боишься женской мести? А напрасно, достать можно любого. И тебя в том числе, дорогой.

– У тебя, насколько я понимаю, есть опыт?

– Нет, но я знаю людей, у которых он имеется.

– Ты пытаешься испугать меня?

– Нет, просто предупреждаю. Ты, Игорёк, на досуге подумай ещё над моим предложением. В нем есть смысл, несмотря на его деловую форму и некоторое отсутствие любовной составляющей. Можешь позвонить до полуночи, я поздно ложусь спать, ты же знаешь.

Она залпом опорожнила свой стакан и поднялась из-за стола:

– Пока. Ты не простудись здесь, моим детям нужен здоровый отец.

Я не выдержал и рассмеялся:

– Пока, моя несостоявшаяся подруга. Ты особенно не напрягайся в попытке достать меня. Поверь, это напрасный труд.

– Посмотрим, дорогой. Утро, как говорится, вечера мудренее. А тем более, если вдруг окажется, что это и не утро вовсе, а глубокая ночь.

Она взяла свою сумочку и ушла, слегка покачивая бёдрами. Вскоре стих звук её каблучков за поворотом, а вместе с ним ушел в прошлое и очередной кусочек моей жизни.

Стало отчего-то грустно. Потягивая виски, я в одиночестве просидел ещё около часа, глядя на желтые розы, оставленные рассерженной Викой, на светлеющую в темноте гладь воды, на огни прогулочных катеров, медленно идущих к причалу, затем расплатился и по набережной, заполненной гуляющей молодёжью, не спеша отправился домой. Казалось, принятое утром решение состоялось, но тогда почему в глубине души затаилось какое-то тревожное чувство опасности? «Издержки вечернего разговора, – подумалось мне, – не более того». И я лёг спать.

День выдался тяжёлым, с неприятным окончанием, но алкоголь, хвала его создателям, быстро перенёс меня в блаженный мир небытия, подальше от текущих забот. И я совершенно забыл о том, что срок принятия мною решения, обозначенный Викторией, истекает ровно в полночь.

## 2

Мне очень редко видятся сны. Настолько редко, что в моём случае эту особенность человеческого организма можно и вовсе не принимать во внимание. Но этой ночью мне снился сон. Он был настолько ярким и отчётливым, словно всё происходило со мной не в параллельной реальности, а где-то здесь, наяву.

Была ночь. Я, что было сил, бежал по узкой тропинке от самой станции, на которой сошёл, повинувшись чьему-то приказу, потому что там, в глубине зарослей находился близкий мне человек, и ему нужна была помощь. В разрывах облаков над верхушками деревьев иногда можно было увидеть яркие звёзды, но их свет не позволял увидеть Того, кто крался где-то рядом в тёмном кустарнике. Я знал, что меня преследует зловещее Нечто, и не просто преследует, а гонит в нужном ему направлении. Это стало понятно сразу, как только я вошёл в лес.

Мои волосы были совершенно мокрыми от пота, который холодными струйками сбегал по спине, груди. Сердце пульсировало так часто, что казалось, ещё немного – и оно разорвётся на мелкие кусочки, кровь перестанет омывать клетки моего тела, и я умру среди этого жуткого леса. Глотая пересохшим ртом воздух, не в силах бежать больше, я остановился. И в этот момент окружающее пространство заполнил невыносимый звон, шедший словно отовсюду и разрывающий голову.

Тяжело дыша, я проснулся, не понимая, где нахожусь и что происходит. Комната была залита неярким светом уличных фонарей. Светящиеся стрелки часов на стене показывали три часа ночи. На прикроватной тумбочке неистово звонил и вибрировал ноутбук. Кто-то предлагал мне выйти в скайп. Номер звонившего мне ничего не сказал, но кто бы это ни был, должна иметься серьёзная причина, чтобы оторвать человека ото сна в такое время. Чуть помедлив, я включил связь.

– Не отключайтесь, – услышал чей-то холодный голос.

– Вы кто? Что вам нужно в такое время?

– Мне нужен Игорь Зарубин.

– Это я. Что случилось?

– Игорь, прошу прощения за фамильярность, я сейчас произнесу несколько фраз, а вы поправьте меня, если вам эта информация покажется неверной. Только прошу, не нужно преждевременных вопросов.

– И всё же, кто вы?

– Скажем так: я вам не друг. Пока этого достаточно, поскольку нам ещё предстоит познакомиться лично.

Адреналин, обогативший мою кровь во время жуткого сна, полностью вернул мне возможность мыслить трезво. Не напрасно этот незнакомец звонит мне в такое время. Какие-то козыри явно были в его колоде карт, и очень было интересно узнать, какие именно. Я включил в телефоне диктофон на запись, положил его рядом с ноутбуком и произнёс:

– Хорошо, я слушаю вас.

– Ваш друг, майор Успенцев в настоящее время находится в зарубежной командировке и появится в городе только через неделю. Ваш отец проходит курс восстановительной терапии в Севастополе после недавно перенесенного гипертонического криза. Ваша мать живет сейчас одна в квартире по адресу, который в случае необходимости я вам могу продиктовать.

Насколько мне известно, это единственные люди, которые вам по-настоящему дороги. При этом вы сильнее всего привязаны к матери, в связи с чем я лично вам искренне завидую. Мне, к сожалению, не пришлось испытать подобное чувство. Скажите, моя информация верна на этом этапе?

– Да, вы всё сказали верно, – настороженно ответил я. – И что дальше?

– А дальше я попрошу вас позвонить вашей маме. Вы убедитесь, что её нет дома. Я снова выйду на связь ровно через десять минут, и, прошу вас, не звоните больше никому. Так будет лучше, прежде всего, для вашей мамы.

Почему-то я сразу поверил, что его слова – это не блеф. Стационарный телефон на квартире родителей молчал, отключённым оказался и мобильный телефон, чего не могло быть по определению. У нас с мамой был договорено, что сотовая связь, учитывая возраст моих родителей и состояние их здоровья, не должна прерываться ни на секунду. Я сам оплачивал эту услугу, и отключить телефон за неуплату не могли.

Звонок раздался ровно через десять минут. К этому времени я уже был одет так, будто собрался на войну: грубые ботинки, брезентовый камуфляж, футболка.

Всё тот же холодный вежливый голос:

– Ну что, Игорь, вы убедились в том, что вашей матери нет сейчас дома?

– Да, убедился. Где она?

– Она у меня. Хотите убедиться в этом?

– Хочу, разумеется.

– Как пожелаете. Валентина Петровна, возьмите, это ваш сын.

– Игорёчек, – послышалось в трубке, – это я. Скажи мне, что происходит? Кто эти люди и что им нужно?

– Мама, прошу тебя, успокойся! Всё будет хорошо, поверь мне. Расскажи коротко, что случилось.

– Я проснулась оттого, что звонили в дверь. Женский разгневанный голос сказал, что у меня где-то прорвало трубу, и вода заливает соседей. Попросили открыть дверь, чтобы сантехник устранил течь. Я, разумеется, открыла, и только потом вспомнила, что вначале нужно было позвонить тебе, как мы договаривались. Какие-то люди в масках ворвались в квартиру, мне чем-то брызнули в лицо, после чего я потеряла сознание. Очнулась уже здесь, в этой комнате без окон. Игорёк, мне страшно! Умоляю, сделай что-нибудь...

В её голосе послышались с трудом сдерживаемые слёзы.

– Мама, я очень прошу тебя, возьми себя в руки. Я решу эту проблему в течение нескольких часов. Утром ты уже будешь у себя дома. Не плачь, всё будет хорошо. Ты меня слышишь?

– Да, сынок. Я постараюсь не плакать.

В трубке раздался какой-то шум, и тот же голос спросил:

– Ну что, Игорь, теперь вы знаете, что ваша мама находится у нас, и что она цела и невредима.

– Да, знаю. Что вам нужно от меня? Скажите, и я всё сделаю. Даю слово, только отпустите маму. Поверьте, это лишнее, зачем травмировать немолодую женщину с больным сердцем.

– Ваша мама произвела на нас неизгладимое впечатление своей интеллигентностью и воспитанием. Искренне завидую вам. Я рад был бы выполнить вашу просьбу, но, увы, мама останется у нас до тех пор, пока мы с вами не завершим то, ради чего нам пришлось идти на этот совершенно безнравственный поступок, отягощая свою совесть ещё одной статьёй уголовного кодекса. К тому же такой непривычной, как похищение человека. Это, знаете ли, при хорошем подходе со стороны прокурора может и на пожизненное потянуть, что крайне неприятно.

– Искренне сочувствую, мне даже понятны ваши угрызения совести, но, если можно, давайте ближе к делу. Что вам от меня нужно?

Человек в трубке коротко рассмеялся:

– Вас даже в такие минуты не покидает присущее вам чувство юмора. Признаюсь, я поклонник вашего писательского таланта. С удовольствием, знаете ли, читаю ваши статьи и рассказы. Но, как вы сказали, ближе к делу. А дело состоит в том, что я должен лишить вас всех ваших активов.

Заранее предупреждаю, возле вашего дома стоит автомобиль с аппаратурой, которая фиксирует и анализирует все звонки, исходящие не только из вашей квартиры, но и из вашего дома. Поэтому не стоит звонить вашему другу майору, не стоит обращаться в полицию или к кому-то ещё. Если это обнаружится, вы очень быстро получите пакет с какой-нибудь деталью вашей мамы. Например, это может быть кисть руки или стопа. Вы меня понимаете?

– Да, мне всё понятно, – пытаюсь быть спокойным, ответил я, – но предупреждаю, если вы нарушите слово, и с мамой что-то подобное случится, то всю оставшуюся жизнь я буду искать вас, непременно найду и тогда, уж поверьте мне на слово, вы будете просить меня убить вас, но я этого не сделаю. Вы в полной мере узнаете, что такое побывать в аду. Вы меня хорошо поняли?

– Да, я понял вас, – после некоторого молчания произнёс всё тот же голос, – вы серьёзный, надо полагать, человек. Но не стоит беспокоиться, если вы выполните наши условия, ваша мама вернётся в целостности и сохранности. Это я обещаю. Даю слово офицера, кем я был в своей прошлой жизни.

– Хорошо, я слушаю вас, бывший офицер. Объясните подробнее, каких именно активов вы должны меня лишить?

– Это несложно. Вы должны будете избавиться от всех денежных вкладов, а также движимого и недвижимого имущества. Чем быстрее вы это сделаете, тем скорее ваша мама вернётся к вам. Кстати, её квартира тоже входит в число ваших активов.

Я замер. Запросы незнакомца были более чем серьёзными. После этого мне, по сути, предстояло начать жизнь заново. И, кроме того, напрямую затрагивалась жизнь родителей.

– И как же вы собираетесь избавиться меня от этих активов? Кстати, не обольщайтесь: у меня не так много вкладов, как это могло кому-то показаться.

– У вас в кабинете сейф находится за книгами на средней полке. В нём лежат шесть договоров на депозитные вклады. Вклады и в самом деле небольшие: примерно, на двести

пятьдесят тысяч в национальной валюте и на пятьдесят две тысячи в американских долларах. Кроме того, насколько нам известно, у вас есть ещё и депозитная ячейка в банке? Кстати, не подскажите, что хранится в ней?

– Отчего же, подскажу: в настоящее время она пуста, а то, что было в ней, не так давно было превращено в те самые доллары, о которых вы прекрасно осведомлены. Не поделитесь секретом: откуда такие знания?

Человек на том конце линии коротко рассмеялся:

– К сожалению, я не могу вам сказать это. Этика профессии, так сказать.

– Ну, хорошо. Сейчас ещё глубокая ночь. Как вы собираетесь осуществить вашу акцию в такое время? Ведь нужен, насколько я понимаю, нотариус, затем доступ к банку.

– Не волнуйтесь, нотариус будет вовремя. И, конечно же, до завершения операции вам с мамой придётся пару дней побыть у меня в гостях. Поэтому, Игорь, берите все договоры и необходимые документы. За вами заедут, вы посетите квартиру родителей, где возьмёте такие же бумаги. После этого вас привезут ко мне, где мы и завершим начатое дело. Договорились?

– Да, я буду ждать звонка. И последнее, не подскажите, кому я обязан этой проблеме?

– Я уполномочен непременно сказать вам об этом после завершения операции.

– Очень буду вам обязан. Я уже должен этому человеку, а свои долги нужно отдавать: так меня учили мама с папой. И поверьте, в этом случае я буду очень стараться.

– Желаю удачи. Вам позвонят минут через двадцать.

Экран компьютера погас. В моём распоряжении было совсем немного времени для принятия решения.

### 3

Я не собирался сдаваться так просто, как хотелось этому человеку. Они знали, куда ударить: ради безопасности мамы я готов был выполнить все его условия. Но из опыта собственных расследований и по рассказам Успенцева мне было известно, что даже после того, как меня избавят, по сути, от всего, что удалось заработать к этому моменту, нельзя быть уверенным в том, что нас оставят в живых. Обычно от ненужных свидетелей избавляются. Кроме того, на продажу квартиры родителей нужно было получить и согласие отца, который в настоящее время находился в Севастополе. Как быть в этом случае? Хотя, наверное, они каким-то образом продумали и эту ситуацию. Например, при наличии карманного нотариуса цепочка договоров купли-продажи позволит решить и более сложную задачу.

Мы с Успенцевым начали изучать боевое самбо случайно. Это было в восьмом классе. Как-то, возвращаясь вечером из спортзала, где занимались в секции спортивной гимнастики, мы стали свидетелями того, как немолодой человек играючи расправился с тремя молодчиками, которые пытались затащить в машину девушку. Это было впечатляющее зрелище. Такие приёмы можно было увидеть разве что в голливудских боевиках, заполнивших экраны видеосалонов, появившихся в середине девяностых. Ещё большим стало наше удивление, когда в этом человеке мы узнали соседа по подъезду. Домой мы пошли вместе.

В разговоре выяснилось, что дядя Коля, так мы его называли, в своё время служил в особом подразделении ГРУ СССР. Там он и приобрёл эти навыки самообороны без оружия. Ему было скучно доживать одному в малогабаритной квартире, и он предложил обучить нас кое-чему из того, что умел сам, держа это в секрете от окружающих. В этом был элемент тайны. А что может быть интереснее тайны для мальчишек в пятнадцать лет? Так мы стали заниматься боевым самбо с нашим первым учителем.

Это была серьёзная школа. Большинство приёмов, которым он обучал нас, были направлены на ликвидацию противника в самых неожиданных ситуациях. Чаще всего это нужно было сделать голыми руками, или с помощью любых предметов, которые всегда можно найти поблизости. Это могли быть, например, авторучка, расчёска, спички и многое другое, что на первый взгляд не вызывало опасений у противника.

Наше обучение у дяди Коли длилось чуть более трёх лет, и научились мы многому. Потом я, пролетев мимо университета, попал в армию, где два года провёл в спецназе, обучаясь, по сути, тому же: искусству убивать людей, но уже с помощью оружия, как огнестрельного, так и холодного. Успенцев пошёл тем же путём, обучаясь в спецшколе МВД.

С тех пор прошло почти двадцать лет, и всё это время мы только шлифовали наши умения у различных тренеров. Процесс совершенствования боевых искусств – это как наркотик: раз приняв его, ты становишься зависимым от неограниченных возможностей, которые раскрывает перед тобой мир и философия закрытых школ. Мы с Успенцевым большую часть наших отпусков провели в горах Китая, доступ в который перестал быть проблемой. Немало нам дали и московские мастер-классы, занятия в которых стоили неслабых денег. Скажу без лишней скромности: в настоящее время мы были серьёзными противниками в любой среде, от спортивной до уголовной.

Эти умения не однажды спасали нас в самых разных ситуациях, которыми богата повседневность как начальника отдела по раскрытию убийств, так и журналиста-фрилансера, занимающегося, по сути, частным сыском. Об этих умениях мы старались не распространяться, и даже подруги, время от времени появляющиеся в нашей жизни, не всегда догадывались, какие тренировки мы посещаем три раза в неделю. И я очень надеялся на то, что это не было известно звонившему мне вежливому человеку.

Я собрал все необходимые документы в особый кейс, который не так давно подарил мне ко дню рождения Лёшка. Его особенность заключалась в том, что открыть его мог только я после того, как особое устройство в нём одновременно сканировало большие пальцы правой и левой руки. Расстояние между точками сканирования составляло примерно сорок сантиметров. То есть если те люди решат надеть на меня наручники, им придётся снять их, пусть даже на короткое время. Иначе бронированный изнутри кейс открыть было крайне непросто. Это давало какой-то шанс.

В кейс под бумаги я положил старый ТТ образца 1943 года с полной обоймой патронов и взведенным курком. Этот пистолет я приобрёл как-то у одного бомжа лет десять назад. Так с тех пор он и лежал у меня в сейфе рядом с заявлением без даты, в котором я просил начальника местной полиции принять этот случайно найденный мною предмет. Сейчас он был очень кстати. По крайней мере, мне так казалось.

В армии у меня был друг родом из Алматы. Его звали Арстын. Он научил меня, как можно незаметно спрятать в поясе брюк басовую струну от гитары и как использовать её в драке. По его словам, это было впечатляющее зрелище, когда он особым образом вращал струну в темноте. Противники хватались за окровавленные лица, не понимая, откуда исходит эта невидимая опасность. Найти на ощупь это оружие на человеке было непросто, практически невозможно. Такая струна всегда была при мне в тех случаях, когда я чувствовал, что ситуация может обостриться до предела. Сейчас был тот самый случай.

За щекой я поместил половинку бритвенного лезвия. Этому приёму меня обучил один старый эк. Я, правда, так и не смог выплёвывать его настолько искусно, как это проделывал он, попадая точно в цель, например, в глаз противника, но хранить острую полоску стали во рту и не порезаться при этом научился.

Теперь я был готов выйти из дома. Часы показывали, что у меня в запасе есть ещё около семи минут. Я присел на диванчик в прихожей и стал размышлять над тем, кому мог так

сильно перейти дорогу, что меня, по сути, заказали. Понятно, что в моём возрасте я сумею ещё подняться, но, правда, при условии, что выйду живым из этой ситуации. А вот в этом как раз и не было уверенности.

Я прошёлся по последнему году своей жизни, тщательно заглядывая даже в забытые его уголки, и в конце концов пришел к выводу, что нет таких людей, которые настолько могли желать мне зла. Единственным человеком, который вызывал всё растущее сомнение, была Виктория. Эта девушка много знала о моей личной жизни. Часто оставаясь одна в квартире, могла, кстати, знать и о том, где находится сейф. В принципе, пользуясь доверием, несложно выяснить и то, как он открывается. Она одна угрожала мне, утверждая, что достать можно каждого, и это она дала мне срок подумать над её предложением до полуночи. Я совершенно забыл об этом и, похоже, зря. Недаром ведь утверждал мой мудрый друг Успенцев: «Нет существа страшнее внезапно отвергнутой женщины».

Звонок домофона нарушил мои размышления. Я нажал клавишу переговорного устройства:

– Слушаю вас.

– Выходите, справа увидите черный микроавтобус. Садитесь в него.

На улице было ещё темно. Справа, матово блестя лаком, стоял автомобиль. Я подошёл, дверь скользнула в сторону. Человек в балаклаве, сидящий сзади, жестом указал на переднее сидение. Я сел, и автомобиль тронулся.

Они знали, где находится квартира родителей. Я забрал там требуемые документы, и спустя полчаса мы выехали на проспект, предположительно ведущий на восток. Я был тщательно обыскан, мои руки связаны сзади полоской пластика, непроницаемый мешок на голове не позволял видеть, куда направляется машина. Струна в поясе брюк и лезвие за щекой остались незамеченными.

## 4

Машина остановилась спустя почти час езды. Мне помогли выйти и, направляя движение, молча заставили идти вперёд. Под ногами ощущалось твёрдое покрытие. Вокруг стояла тишина, изредка нарушаемая голосами птиц. Скорее всего мы находились где-то в лесу.

Раздался звук открываемой тяжёлой двери, затем – ещё одной. Мы вошли внутрь помещения, спустились вниз по лестнице, и с меня сняли непрозрачный мешок. Передо мной уходил вдаль тускло освещённый коридор, из которого вправо и влево выходили металлические двери. Слышался глухой стук работающего генератора. Похоже было на бункер или бомбоубежище.

Сопровождал меня всё тот же человек в балаклаве. Водитель, видимо, остался снаружи в микроавтобусе. Мы прошли по коридору и вошли в единственную дверь, находящуюся в его торце. В довольно большой хорошо освещённой комнате стояли диван, кресла, столы. На полу лежал мягкий ковёр бежевого цвета.

За одним из столов в кресле сидел человек лет сорока пяти – пятидесяти. «Колоритная фигура, – подумалось мне, – такие в американских фильмах играют интеллектуальных злодеев: бритая голова правильной формы, небольшая бородка, умный взгляд тёмных глаз». На безымянном пальце правой руки перстень из белого металла с чёрным камнем прямоугольной формы. Что-то в чертах его лица показалось мне знакомым, хотя, совершенно точно, видел я его впервые.

Мой сопровождающий положил перед ним кейс.

– Спасибо, Бриз, можешь идти. Хотя нет, постой у двери.

– Доброе утро! – произнёс он, обращаясь ко мне. – Присаживайтесь, Игорь.

Жестом он указал на стул, стоящий перед столом.

– Спасибо! – ответил я. – Не могу, к сожалению, разделить ваш оптимизм в отношении доброго утра.

– Увы, такова жизнь. Но оставим в стороне философию и приступим к делу: время не терпит. Вы взяли с собой все необходимые документы?

– Да, они в этом кейсе.

– Я попрошу вас открыть его.

– Разумеется, но только после того, как я смогу убедиться в том, что моя мама жива и находится у себя в квартире.

Человек за столом несколько секунд холодно изучал меня взглядом, а потом спросил:

– И что помешает нам открыть кейс без вашего согласия?

– Это не так просто сделать. Кейс бронирован изнутри особо прочной сталью, и открыть его могу только я после сканирования одновременно двух моих больших пальцев рук и последующего набора шифра. Там есть для этого специальная электроника. Конечно, вы можете вскрыть кейс, например, термическим стержнем, но при малейшей попытке несанкционированного проникновения внутрь всё содержимое его будет уничтожено.

– Ясно, я понял и восхищён вашей предусмотрительностью. Ваша мама в соседней комнате. Ей дали снотворное и она спит, что хорошо в её случае, учитывая возраст и состояние здоровья. Хотите увидеть её?

– Да, конечно хочу.

– Бриз, – обратился человек к стоящему у двери охраннику, – покажите молодому человеку его мать.

В соседней небольшой комнате из мебели была одна лишь солдатская металлическая кровать. На ней, укрытая одеялом, на матрасе без простыни спала мама. Я подошёл к ней, наклонился, прислушиваясь. Она дышала ровно и глубоко. И это было действительно хорошо в этой ситуации.

– Ну как, убедились, что с вашей матерью всё в порядке? – спросил человек за столом, когда мы вернулись.

– Да, убедился. Простите, как мне к вам обращаться?

– Зовите меня Полковник. Я уже говорил вам, что в прошлом был офицером, и это моё настоящее воинское звание.

– К сожалению, не могу сказать привычную фразу, что рад знакомству.

– Не огорчайтесь, это пройдёт, и скоро вы привыкнете к моему обществу. Так как в отношении добровольно открыть кейс? У нас мало времени, к сожалению.

– Нет, только после того, как мама будет в безопасности.

– Это исключено. Ваш заказчик поставил условие, что ваша мама не должна подвергнуться насилию, а вам не будут нанесены увечья, портящие ваш экстерьер. Но при этом ничего не было сказано о невозможности применения по отношению к вам иных мер воздействия. Вы готовы к этому?

– Да, если нет иного выхода. Должен предупредить, я человек с характером, и меня нелегко сломать. Поэтому, Полковник: или моя мама находится дома, в чём я убеждаюсь, или наше знакомство затянется на неопределённое время, которого, я уверен, у вас нет.

– Хорошо, попробуем убедить вас быть разумнее. Бриз, – обратился он к человеку, стоящему у двери, – отведи его к Доктору. Скажешь ему, чтобы для начала применил процедуру номер пять. Да, и покажите того уже обработанного упрянца, чтобы молодой человек знал, что с ним может случиться, если запас терпения у нас закончится.

Мы прошли в одну из комнат, находящуюся недалеко от входа в бункер. По пути заметил в одном из помещений трёх человек в камуфляже, увлечённо играющих в карты. На нас, прошедших мимо, они не обратили никакого внимания.

В комнате, куда мы вошли, стоял грубый деревянный стул с ремнями для фиксации сидящего на нём человека. Рядом находился стол с разложенными на клеёнке блестящими инструментами. Один вид их вызывал мороз по коже.

За столом сидел невысокого роста худой человек лет шестидесяти с остатками волос на голове. На нём поверх одежды был надет белый халат, какой обычно носят санитары. Халат был грязен, покрыт пятнами коричневатого цвета. Человек курил папиросу, стряхивая пепел на пол.

– Ещё один клиент? – равнодушно спросил он.

– Да, процедура номер пять. Так Полковник сказал, – произнёс сопровождающий меня человек.

– Всего-то? Жаль, хороший экземпляр. Ну, ничего, даст бог, доберёмся и до первой, я чувствую это.

– Не упоминайте имя Божье всуе, – ответил я на эту тираду, – мы живём в переменчивом мире.

– О, да вы, молодой человек, я погляжу, оптимист. Подойдите сюда, ближе к углу. Здесь вы можете увидеть, как сейчас выглядит такой же оптимист, дошедший до процедуры всего лишь под номером три. Прошу вас, полюбуйтесь.

В углу на бетонной стяжке животом вниз лежал мужчина огромного роста. В нём было не меньше двух метров. Его мощные руки и ноги были связаны всё теми же пластиковыми стяжками для быстрой фиксации, что и у меня. Штаны на нём были спущены до колен. Нижняя часть спины, ягодицы, бёдра были в крови. Запёкшаяся кровь была видна и на затылке. Рядом лежала пустая стеклянная бутылка, покрытая чем-то липким. Было видно, как мелко дрожат мышцы на спине лежащего человека.

Увидев всё это, я внутренне содрогнулся.

– Ну, и как вам зрелище, молодой человек? – весело спросил Доктор. – Обратите внимание, в какое состояние может привести человека всего лишь обыкновенная бутылка, медленно всаживаемая ему в зад. Не поверите, но входит практически полностью. Не хотите попробовать?

– Спасибо, нет. Мне бы что-нибудь попроще, с вашего позволения.

– Так процедура номер пять – это и есть то, о чём вы просите. Сейчас вас за руки повесят на вон тот крюк в потолке, после чего я займусь вами. Поверьте, перед вами большой выдумщик в части создания болевых ощущений у беспомощного человека. Когда-то давно это была тема моей диссертации. Боже, какие были времена и какие возможности! И как молоды мы были тогда, сударь! Увы, всё это уже в прошлом.

Но, оставим сантименты. Бриз, будьте добры, завяжите молодому человеку руки спереди и подвесьте его так, чтобы мне было удобно работать. Да, и закройте плотнее дверь. Незачем нашим коллегам слышать, как будет визжать этот субъект.

Я понял, что если сейчас не использую момент, то потом такого случая уже может не представиться. Бриз, нужно отдать ему должное, был осторожен. Он поставил меня на широко расставленные колени, заставил поднять вверх уже изрядно затёкшие руки, и в таком положении снова связал их пластиковой стяжкой. Теперь руки у меня были расположены спереди, и это было то, что нужно.

Я поднялся на ноги. Доктор стоял передо мной. На его лице играла искренняя располагающая улыбка. Ни дать, ни взять отец родной. Бриз находился на расстоянии двух метров у крюка, манипулируя с выключателем подъёмника. Удар ногой, который я нанёс Доктору в грудь, был лучшим в моей жизни. Он, словно тряпичный, отлетел к стене, разбив стеклянный шкаф, и остался висеть в таком положении. Из груди палача торчал пронзивший его металлический прут.

Бриз, увидев это, мгновенно развернулся ко мне. И в этот момент я выплюнул лезвие. Совершенно случайно оно вонзилось ему в правую бровь, откуда струйка крови стекла на глаз. Он остановился в своём движении, машинально схватившись за лицо, и в это время я в прыжке нанёс ему удар ногами. Бриз впечатался в стену и медленно сполз по ней на пол. Несколько ударов ногой лишили его жизни. Я это понял по неестественному наклону головы. Видимо, у него была сломана шея.

Скальпелем, найденным среди инструментов на столе, я разрезал стяжку на руках и подошёл к человеку, лежащему в углу. Он уже сидел, прислонившись к стене, и смотрел на меня. Его заросшее щетиной лицо было избито, левый глаз закрывал лиловый синяк. Я разрезал путы, помог ему стать на ноги. Он, морщась от боли, надел штаны.

– Ты кто? – спросил я. – Меня зовут Игорь.

– Андрей, но лучше зови Сербом, я так привык. Видел, как ты их уделал. Лихо, не хуже меня. Ты как попал сюда, брат?

– Это длинная история. Давай думать, как будем выбираться. К тому же у меня мать здесь.

– Понял... Из меня сейчас боец, прямо сказать, никакой, но поддержку окажу. Не знаешь, сколько их?

– Я видел четверых: трое в комнате неподалёку и ещё один в дальнем помещении. Да, и, возможно, водитель наверху.

– Не вопрос, если бы мне не вставили в зад эту чертову бутылку. То ещё удовольствие, скажу я тебе. Этому Доктору повезло, что не я до него добрался. Легко помер, тварь, у меня бы он получил полное удовольствие от так любимых им болевых ощущений. Давай поищем, что здесь есть из оружия.

Обыск двух тел ничего не дал. Единственным оружием можно было считать те инструменты, что находились на столике Доктора.

– Ты можешь работать в темноте? – спросил Серб.

– Да, могу.

– Имея скальпель в руке, сможешь завалить тех троих?

– Я не знаю их подготовки, но попытаться можно.

– Тогда слушай. Я, шатаюсь, как немощный, войду туда и сразу стану справа от двери. Пока они не пришли в себя, вот этой штукой разобью лампочку: я хорошо бросаю. Ты сразу же после этогоходишь внутрь и мочишь двух дальних. Ближнего козла я возьму на себя. Идёт?

– Да, пошли.

В спецназе нас обучали ножевому бою, но применять на практике эти знания, да ещё имея в руке всего лишь непривычный скальпель, мне не приходилось. Я больше рассчитывал на то, что смогу сбить с толку противника эффектом применения гитарной струны.

В коридоре было тихо и пустынно. Мы осторожно подобрались к нужной двери и прислушались. Там шло горячее обсуждение карточной игры. Серб взялся за ручку двери и кивнул мне головой. Я ответил ему и приготовился.

Мой напарник рывком открыл дверь и вошёл внутрь, сразу же приняв вправо. Говор тут же смолк, вслед за этим послышался звон разбитой лампочки, и комната погрузилась в темноту. Я ворвался внутрь, увидел силуэты поднимающихся из-за стола людей, и, придав струне вращение, стегнул по лицам. Вскрики, последовавшие за этим показали, что мне удалось на время сбить противника с толку.

Я прорвался к двум дальним фигурам, и одного из них мне сразу же удалось сбить с ног хорошим ударом в челюсть. Другой успел прийти в себя, и на меня обрушилась серия неслабых ударов в корпус. Я блокировал часть из них, сделал удачную подсечку и ударом ноги добил упавшего.

На полу, обнявшись словно братья после долгой разлуки, сплелись Серб и третий охранник. Выбрав момент, я резким ударом отправил в нокаут последнего противника. Серб, тяжело дыша, поднялся на ноги.

– Спасибо, брат, ты очень вовремя подоспел, – сказал он. – Отлично справились, а давай-ка поищем что-нибудь стреляющее, определённо оно здесь должно быть.

Его слова оправдались. В кобурах, висящих на стене, мы нашли пистолеты. Два стандартных макарова были с глушителями и полными обоймами патронов. Я связал лежащих без сознания охранников. Скотч, найденный в столе, плотно лёг на глаза и рот обездвиженных людей.

Эта часть работы была сделана. Болели рёбра, особенно при вдохе, болела нога, которую успел задеть тот самый боец, оказавший наибольшее сопротивление.

Серб внезапно замер и поднял руку, призывая к тишине. В коридоре раздался звук открываемой двери и голоса людей. Говорили двое.

– Вы же говорили, что оставите меня в покое. Сколько можно использовать немолодого человека, спекулируя на жизни его близких? Может, мне проще умереть, или всё же обратиться в полицию?

– Соломон Матвеевич, я клянусь, что это последнее дело, к которому мы привлекаем вас. К сожалению, ваш опыт и фантазия просто незаменимы в нашей работе.

– Спасибо за такую лестную оценку моих способностей, но я так больше не могу. Я, в конце концов, отправлю своих в Израиль и пойду в полицию, если вы ещё когда-либо обратитесь ко мне. Чтобы мне никогда больше не видеть Цилю и моих детей, если я так не сделаю!

– Наивный вы человек, Соломон Матвеевич! И зачем же вы всё это мне рассказываете?

– Сам не знаю... Благодаря вам, Полковник, я совсем запутался в этой жизни.

Голоса стали тише, и вскоре совсем затихли. Было понятно, что привезли нотариуса, которого Полковник повёл сейчас в торцевую комнату. Я осторожно выглянул наружу. Там никого не было, всё так же тускло горели лампы в светильниках. Я закрыл на задвижку входную дверь, и мы беззвучно, словно тени, двинулись в конец коридора.

Полковник стоял спиной к двери. За столом перед ним сидел похожий на клоуна немолодой человек с пухлым носом, обширной лысиной и буйными пучками волос над ушами. Судя по всему, это был нотариус. Он-то и заметил нас первым. Полковник, увидев, как изменилось его выражение лица, резко повернулся, но было поздно. На него холодно смотрели зрачки двух пистолетов.

– Не ждали, Полковник? – ровно спросил я его.

– Признаюсь, не ждал... И что будем делать дальше?

– А это уже моя проблема, – вышел вперёд Серб. – Что, Серёженька, нехорошо случилось? Не совсем так, как вы планировали с моей жёнушкой?

Полковник молчал. Было видно, как медленно покрывается потом его бритая голова. Я понял, что этих людей связывают серьёзные отношения, и развязка для одного из них не обещает ничего хорошего.

– Молодые люди, так, может, я пойду? – подал голос нотариус. – У меня складывается хорошее впечатление, будто бы я лишний в вашей компании, и вам есть за что поговорить и без меня.

– Нет-нет, вам придётся подождать, – остановил его Серб, – нам ещё предстоит одна работа, с которой без вас никак не справиться. Поверьте, это и в ваших интересах.

– И что мне делать, пока вы будете разбираться?

– Вам придётся пройти в соседнюю комнату, – подал я голос. – Там на кровати спит женщина, это моя мама. Рядом с кроватью стоит стул, на нём вы и подождёте, пока мы здесь закончим наши дела.

– Ну, хорошо, я посижу у ног вашей мамы. У меня тоже была мама, пока Господь не призвал её к себе. Я готов ждать сколько нужно.

Я проводил его в комнату к матери, убедился, что она всё ещё спит, и вернулся к Сербу и Полковнику.

– Ты побудь с ним, пока я разберусь с водителем, – сказал мой новый товарищ по несчастью, – да не вздумай вестись на его уговоры. Это та ещё лиса, под стать своей сестрёнке.

– Об этом можешь не волноваться. Я такого наезда никому не прощу.

– Вот это по-нашему! Правильно говоришь, брат: настоящие мужики такое не прощают. Жди, я быстро.

Он ушёл. Полковник, надёжно связанный скотчем, сидел на низком диване. Его тёмные глаза смотрели на меня безо всякой надежды. И снова что-то в его чертах показалось мне знакомым.

– Скажите, Полковник, – спросил я, – а мы с вами никогда не встречались раньше? Мне кажется, будто я узнаю ваше лицо.

– Нет, Игорь, мы никогда не встречались с вами.

– Вы уверены в этом?

– Абсолютно.

– Странно, у меня хорошая память на лица, и я определённо видел вас прежде.

Он усмехнулся:

– Нет, мы не знакомы с вами. Но вас хорошо знает моя сестра, а мы весьма похожи с ней.

– И кто же она?

– Её зовут Виктория. Припоминаете вчерашний вечер?

Я молчал. Мне всё стало ясно.

– Андрей, он же Серб, её муж?

– Да.

– И что он здесь делает? Чего вы хотели от него? Зачем пытали?

– Да он просто появился не вовремя. Два года от него не было никаких известий, и все уже решили, что его нашла та пуля, которую он так упорно искал последние лет двадцать. Пару дней назад явился, правда, не пустым, с деньгами и претензией, естественно, на жену, на салон и квартиру. То есть как полноправный хозяин объявился, не понимая, что изменилось время, что Вика давно уже не та двадцатилетняя девчонка, какую он захомутал когда-то, и у неё теперь свои взгляды на жизнь.

Вот я и решил с её согласия отправить Сэрба туда, откуда он появился: в небытие. Нужно было только узнать у него, куда он спрятал привезенные деньги. Этим, собственно, и занимался Доктор. По его словам, ещё день-два и клиент бы запел о чём угодно. Да, видно, не судьба. Напрасно в хорошенькую головку сестрёнки пришла мысль вернуть своего строптивого возлюбленного таким образом. Да, признаться, и я вас недооценил.

– А что, решить эту проблему с Сербом по-хорошему, без крови было нельзя?

– А с ним по-хорошему сложно разговаривать. Он всё время как на войне: сперва стреляет, а потом думает.

– Ясно, но почему-то мне кажется, что в этой ситуации его бы оправдал любой суд. А как вы можете объяснить наличие Доктора в вашем, с позволения сказать, охранном агентстве? Ведь это же монстр, явно больной человек, место которому даже не в психбольнице, а где-нибудь в тюрьме особого режима, в камере для пожизненно осуждённых. И, кстати, давно вы занимаетесь такими охранными делами?

Полковник молчал.

– Похоже, давно.

Я поднялся со стула:

– Вот что, пусть Серб решает вашу судьбу. Я на его стороне, как бы он ни поступил. Прощайте, Полковник. С вашего позволения свой кейс я заберу с собой. Он мне дорог, как память о событиях этой ночи.

В коридоре я услышал негромкие хлопки выстрелов. Из комнаты, где мы разбирались с охранниками, вышел Серб с пистолетом в руках.

– Это было обязательно? – спросил я его.

– Да, брат, так нужно, чтобы покончить с этим навсегда. Не бери в голову, пусть этот грех будет на мне. Ты постой здесь, я разберусь с Серёгой и будем двигать отсюда.

– Давно знаешь его?

– Давно, ещё с Карабаха. Нам есть что с ним вспомнить.

Он вошёл в комнату и закрыл за собой дверь. Пробыл он там минут десять. Я не знаю, о чём они говорили. Но раздался хлопок выстрела, и Серб появился в дверях с небольшим портфелем в руках.

– Здесь для нас кое-что в качестве компенсации за моральный и физический ущерб, – сказал он. – Сейчас бери свою маму, захвати нотариуса и дуйте наверх к машине. Она, кстати, на мне числится. Ты подожди меня там, права мои поищи, а я задержусь здесь немного. Нужно ликвидировать по максимуму следы нашего присутствия здесь, и устроить как бы имитацию местной разборки для тех, кто когда-то найдёт эту базу. Думаю, что это будет не скоро.

– Хорошо, как скажешь, Андрей.

Я на руках вынес крепко спящую маму наверх, уложил её на заднее сидение микроавтобуса. Молчаливый нотариус, держа в руках потрепанный портфель, пристроился впереди салона. Я нашёл в бардачке права Серба с техпаспортом на машину и сел за руль.

Передо мной среди обширной поляны, со всех сторон окружённой лесом, располагалась какая-то заброшенная база, скорее всего, военная. Ограждающая её колючая проволока местами была порвана, некоторые столбы повалены, сторожевая вышка сильно покосилась. Полуразрушенная корнями трав и деревьев дорога с асфальтовым покрытием шла от бункера, из которого мы только что вышли, и исчезала среди деревьев. Метрах в ста виднелась огромная воронка, уже оплывшая от времени. Я вспомнил девяностые годы и решил, что это взорванная когда-то шахта для пуска баллистических ракет.

Ощутимо болели рёбра справа и колено левой ноги.

Андрей появился спустя минут сорок. От него сильно пахло бензином. Кряхтя, Серб пристроился на коленях между сидениями.

– Всё в порядке, – сказал он, – хрен кто когда свяжет нас с этим местом. Обе двери я запер на винтовые замки, так что попасть в бункер теперь будет непросто. Положи ключи в бардачок, глядишь, пригодятся ещё. Поехали, только, я прошу тебя, брат, осторожнее на ухабах: помни о моей заднице. У тебя, кстати, нет знакомого проктолога?

Я обещал подумать, и мы медленно тронулись с места. С момента ночного звонка прошло всего лишь четыре часа.

## 5

Выехав из леса, я сразу же определил, что мы находимся километрах в шестидесяти от Города. Спустя час наш микроавтобус уже мчался по самому длинному проспекту в направлении с востока на запад. За все время в салоне машины не было произнесено ни слова. Почему-то было не до разговоров.

Ближе к центру мы попрощались с нотариусом. Серб взял у него номер телефона и сказал, что побеспокоит ближайшими днями. Соломон Матвеевич был сама любезность. Он

заверил, что в любое время он готов помочь таким достойным людям, которые вырвали его из лап этих бандитов.

Мама всё ещё спала. Я отнёс её в квартиру, аккуратно раздел и уложил в постель. Серб отправился в ванную и занял её, похоже, надолго. Мне нужно было чем-то занять себя, и я стал готовить завтрак: кофе, яичница, хлеб с маслом, сыр. Стандартный утренний набор не обременённых семьёй мужчин.

Серб вышел из ванной в одних трусах, посвежевший и даже слегка помолодевший. Исчезла щетина на лице.

– Я по случаю постирушки устроил. Всё на мне такое грязное, что сам себе противен. Где можно повесить, чтобы просохло быстрее?

– На балконе, там солнечная сторона, быстро высохнет. Давай быстрее, завтрак готов.

– Я мигом, ты для меня яиц не пожалей: два дня уже как на диете.

Серб набросил на плечи мою старую растянутую футболку, и мы сели завтракать. Уже за кофе послышались шаркающие шаги, и на кухню, кутаясь в халат, вошла мама. Её лицо было сонным. Увидев нас, она замерла в недоумении:

– Игорёчек, родной, как ты здесь оказался? Ты знаешь, мне приснился ужасный сон, будто бы меня выкрали какие-то люди, и ты меня должен был спасти. А кто этот человек в твоей футболке? И почему вы завтракаете без меня?

Я поднялся и поцеловал её:

– Мама, садись с нами пить кофе. Это Андрей. Андрей, это моя мама, её зовут Валентина Петровна. Мама, мой приятель попал в сложную ситуацию, и мне пришлось помочь ему. Поскольку это было неподалёку отсюда, мы решили заехать к тебе и привести его одежду в порядок. Она сейчас сохнет на балконе. Ты спала, и я не стал тебя беспокоить. Мы уже позавтракали. Хочешь, я приготовлю тебе яичницу?

– Нет, Игорёк, спасибо. Я выпью с вами кофе, можно небольшой бутерброд с сыром, если не трудно.

– Одну минуту.

– Так это был всего лишь сон?

– Ну, конечно, мама. Это был всего лишь дурной сон, не более того. Забудь его, вот твой кофе и бутерброд.

– Спасибо, сынок. А чем вы занимаетесь, Андрей?

Серб при этих словах поперхнулся, не зная, что ответить.

– Мама, Андрей – эксперт в области корпоративной этики, он улаживает различные конфликты между людьми.

– Боже мой, какая интересная работа! По вашему виду, Андрей, я никогда бы об этом не догадалась. А что у вас с лицом?

– Мама, ты же знаешь, как меняет человека костюм и галстук. А лицо – это результат неосторожного поведения в ванной: поскользнулся, упал, хорошо хоть не гипс.

При этих словах Серб что-то невнятно промычал, как бы подтверждая мои слова.

– Да, я согласна, Игорёк, одежда меняет человека. Вы будьте осторожнее, Андрей, особенно в ванной, берегите себя. Что-то у меня кружится голова, пожалуй, я вернусь в спальню. Проводи меня, сынок, пожалуйста.

– Хорошо, мама, обопрись на меня.

Я уложил её в постель. Она закрыла глаза и тут же уснула. Видно, неслабую дозу снотворного вкатили ей люди Полковника.

На кухне Серб допивал очередную чашку кофе.

– Хорошая у тебя старушка, – сказал он, – добрая, это сразу видно. Ты запиши, кстати, чем это я занимаюсь на гражданке, возьму на вооружение. Какие планы? Что будем делать дальше?

– Ну, я думаю, мы сейчас вздремнём пару часиков, поскольку ночь у нас была короткая и нервная. К этому времени высохнет твоя одежда. Жаль, не могу поделиться своей, размер не тот. Потом поедим ко мне. Там ты поживёшь столько, сколько тебе понадобится для того, чтобы привести себя в порядок и устроить свои дела. Думаю, ты имеешь определённые планы в отношении твоей жены?

– О, да! Ты даже представить себе не можешь, какой я имею шикарный план для этой сучки. И Соломон Матвеевич поможет мне реализовать его. Не стану посвящать тебя в подробности, потом расскажу. Ты, кстати, не забудь в отношении проктолога.

– Не волнуйся, сегодня будешь на осмотре. Это недалеко от моего дома. Я и сам хочу показаться травматологу, что-то не на шутку болят рёбра, нога.

– Ну, вот и хорошо, тогда найди у мамы в аптечке что-нибудь обезболивающее, и ложимся спать. Не могу уже, глаза слипаются. Да, чуть не забыл, там, в ванной на полочке, я оставил перстень Полковника. Когда-нибудь я расскажу тебе одну интересную историю. Оставь его себе на память о наших приключениях.

Я быстро приготовил два спальных места, Серб принял горсть пенталгина, и сон пришёл к нам мгновенно.

Проснулись только к полудню. Мама приготовила к этому времени свой фирменный борщ, мы пообедали и поехали ко мне.

– Неслабая квартирка! – заметил Серб, знакомясь со своим временным жилищем. – А нельзя ли прикупить здесь такую же?

– Не знаю, нужно спросить у застройщика. По-моему, ещё есть непроданные квартиры.

Я отвёл ему место в кабинете, после чего мы сходили в ближайший супермаркет, купили одежду для Серба, и посетили врачей. Сербу проктолог сказал, что проблем не так много, как казалось пациенту, хотя он так и не смог понять, чем вызвана такая специфическая травма. Травматолог же определил у меня перелом двух рёбер и трещину в кости на ноге. Ничего страшного: тугая повязка на грудь и покой для ноги в течение недели, как минимум. Но разумнее было бы лечь в стационар. Я отказался, решив, что лучше переживу это неудобство в собственной квартире.

После этого Серб превратился в мою сестру милосердия. Он готовил, как мог, еду, покупал продукты, даже пытался сделать уборку в квартире, что я решительно пресёк. Днём он отсутствовал, занимаясь своими делами. Я не спрашивал ни о чём, он не рассказывал. Но по истечении недели Серб всё же не выдержал.

– Ну, брат, всё: эпопея с женой закончена, – начал он свой рассказ за ужином. – Не ожидала меня увидеть моя радость, сильно огорчилась при моём появлении в салоне. Я-то пришёл не один, прихватил с собой пару своих бывших бойцов. Условий было два: или она делает так, как я говорю, или устроится рядом со своим братцем. Она выбрала первый вариант.

Соломон Матвеевич сделал так, что она в связи со своим отъездом за границу продала салон и квартиру подставным лицам, а те перегнали деньги на мои счета. Так что, я теперь небедный человек, если даже не принимать во внимание то, что я привёз из-за кордона и бонус, полученный от её брата.

Сама же Виктория вчера вылетела на Балканы. Я лично проследил за тем, чтобы она села в самолёт. Там её встретят мои люди, они же и позаботятся о её дальнейшей судьбе. Уверен, что она никого и никогда уже в этом городе не побеспокоит.

Такие вот дела, брат. Давай-ка ещё по одной, за Её Величество госпожу Удачу! Очень привередливая она, скажу тебе, дамочка.

Серб таки купил квартиру в нашем доме и даже на одном этаже со мной. Так что у меня неожиданно объявился надёжный сосед, на которого можно было положиться в трудную минуту.

Спустя десять дней появился Успенцев. Я рассказал ему о том, что произошло за это время. Он выслушал, покачал головой и произнёс:

– Я вчера смотрел сводку происшествий за последний месяц. Никаких сведений о трупах в бункере не было. Думаю, что об этом можно забыть, хотя, как-нибудь нужно будет навестить это место. А теперь припомни, что я говорил тебе о твоей последней пассии: вещь в себе, черный ящик, в котором неизвестно что происходит и непонятно что выплеснется. Так и оказалось, дорогой ты мой и на редкость проницательный мистер Холмс.

Причём, обрати внимание, всякие из ряда вон выходящие события происходят с тобой, как только стоит мне куда-то отлучиться.

Я виновато поднял руки:

– Каюсь, дорогой Ватсон, и клянусь, что впредь не допущу подобной ошибки.

– Свежо, как говорится, предание, но жизнь покажет.

Мы долго обсуждали в тот вечер превратности судьбы человеческой, строили планы на будущий отпуск и расстались уже около полуночи.

В пустой квартире я лежал, прислушиваясь к ночным звукам, думал почему-то о Виктории и незаметно уснул. Очередной день ушёл в прошлое, унеся с собой частичку моей жизни, а где-то на востоке уже рождался новый, и хотелось бы, чтобы он принёс новую историю, полную необычных судеб и неразгаданных тайн.

13 сентября 2015 г., г. Днепропетровск.

## Призрак и Сэра

### 1

Езды от Симферополя до Бахчисарая всего несколько десятков километров. Дорога с двухсторонним движением и неплохим асфальтовым покрытием серой лентой изгибается у кольцевой развязки и уходит дальше, к Севастополю. Боковое её ответвление под прямым углом сворачивает в город, считающийся историческим и культурным центром крымскотатарского народа.

Женщина, спрятанная внутри навигатора, упорно рекомендовала мне пересечь его, уверяя, что это самый короткий путь к конечной цели нашего совместного путешествия. Обладая некоторым жизненным опытом, я не слишком доверяю представителям противоположного пола, но в этом случае вынужден признать, что был неправ. Не прошло и десяти минут, как я проехал город насквозь, отметив большое количество деревьев, невысокую этажность домов и чистоту улиц. Смотрелись окрестности довольно симпатично. Нужно будет непременно приехать сюда, подумалось мне, чтобы увидеть знаменитый дворец, вдохновивший великого поэта сочинить свой «Бахчисарайский фонтан».

Дальше лежала заурядная просёлочная дорога, единственным достоинством которой было практически полное отсутствие машин. Вскоре я въехал в посёлок со странным для Крыма названием Танковое, и понял, что передо мной та самая Бельбекская долина, о которой я много читал накануне отъезда. Это стало ясным, когда с обеих сторон показались мягкие очертания старых гор. Они были покрыты лесами, сквозь зелень которых виднелись проплешины светлой известняковой породы. Вершины невысоких гор миллионы лет подвергались эрозии, благодаря которой приобрели причудливые формы. В зависимости от фантазии в них можно было усмотреть и человеческие лица, и остатки крепостных стен, и фигуры животных.

Узкая дорога шла по левому краю долины. Она извивалась, повторяя очертания подножий, пересекала селения – большие и маленькие – и вскоре я увидел перед собой село, имя которому было Аромат, как значилось на табличке у въезда. Здесь на окраине располагалась лечебница с интригующим названием «Чёрные воды». Вдали за трёхэтажным корпусом высился покрытый лесом горный массив, очертания которого напоминали гигантскую спящую черепаху. Позже я узнал, что это и есть знаменитая гора Бойка, известная среди уфологов как Обитель Силы и место парковки неопознанных летающих объектов.

Территорию лечебницы в глубоком овраге надвое пересекает горная речушка под названием Бельбек. С мостика, соединяющего правую и левую части промоины, видна была струящаяся прозрачная вода, сотни лет омывающая лежащие в ней камни. На дне кое-где поблескивают монетки, которые по традиции бросают те, кто хочет ещё раз посетить эти места.

Здесь мне предстояло провести следующие три недели в надежде поправить опорно-двигательный аппарат, несколько пострадавший после недавнего инцидента, едва не закончившегося в отделении травматологии областной больницы. Мой друг Алексей Успенцев должен был приехать спустя три дня и скрасить моё пребывание в этих, хотя и необыкновенно красивых, но совсем уж патриархальных местах. А пока я должен был изучать местные нравы с целью ускорения процесса его будущей адаптации. Впервые за тридцать пять лет нашего знакомства нам предстояло отдыхать и лечиться вместе.

Я быстро прошёл регистрационную процедуру, и спустя час уже осваивал свой местный номер.

После был ненавязчивый обед в столовой для так называемых VIP-клиентов, последующий короткий отдых, а затем наступил удивительно красивый вечер: тихий и ласковый. Солнце медленно скрылось за горной грядой, оставив последние отблески на асфальтовом полотне ялтинской трассы, ведущей к перевалу Ай-Петри. Долина, лишившись дневного светила, быстро погрузилась в сумрак, предшествующий летней ночи, наполненной мелодичным звоном сверчков. Ущербный диск немолодой луны висел среди звёзд, напоминая, что я нахожусь в центре небольшого мусульманского анклава с тысячелетней историей. Странно, но это обстоятельство не вызывало чувства дискомфорта. Наоборот, против ожидания, я испытывал чувство человека, который после долгих скитаний на чужбине вернулся, наконец, в отчий дом. Мне это показалось странным. Подумав, я решил, что позже разберусь со своими ощущениями.

Спалось мне этой ночью хорошо: глубоко и без сновидений. Сказывались усталость после дороги длиной почти семьсот километров, жара начала августа и необыкновенно чистый воздух долины.

## 2

Здание водолечебницы располагалось километрах в трёх-четырёх от санатория у подножья невысоких гор. Когда-то здесь был источник под названием Аджису. Сейчас он скрыт под искусственным куполом. Насосы по трубам гонят целебную воду в резервуар, там она подогревается, и затем ею наполняют ванны. Тёмная на вид жидкость имеет специфический запах сероводорода, солоновата на вкус, в ней плавают какие-то чёрные хлопья. Наверное, они и дали название санаторию. Симпатичные девушки следят за тем, чтобы у тебя всё было хорошо. После процедуры я шёл под деревья, укладывался в шезлонг и чувствовал, как кровь пульсирует в артериях, омолаживая мой уставший за истекший год организм.

Спустя несколько дней, пройдя ставшую уже привычной процедуру, я сидел на скамейке, ожидая автобус, который увозил и привозил отдыхающих на ванны. День выдался жаркий, столбик термометра поднялся почти до сорокаградусной отметки. Даже мне, человеку, легко переносящему жару, хотелось окунуться где-нибудь в прохладную воду одного из озёр, которых, как выяснилось, довольно много разбросано в окрестностях.

От ворот послышались негромкие голоса, и на дорожке, вымощенной светлой плиткой, показались три человека. Посредине, тяжело опираясь на трость, медленно шёл глубокий старик в белой татарской шапочке, напоминающей тубетейку. С двух сторон его сопровождали молодые парни лет двадцати пяти. Старик, видимо, устал и при виде скамейки направился в мою сторону.

– Добрый день! – поднялся я. – Присаживайтесь, отдохните.

– Спасибо, сынок! – ответил старик. – И тебе добрый день! Здесь можно выпить воды?

Я достал из сумки свою кружку и протянул её одному из парней:

– Вон там есть родник с хорошей водой. Принеси, будь добр.

Парень взял кружку и вскоре вернулся, осторожно неся её перед собой. Старик жадно выпил и с облегчением вздохнул:

– Спасибо тебе, сынок! Жаркий день сегодня.

– Вы на ванны? – из вежливости поинтересовался я.

– Да нет, сынок, какие ванны в моём возрасте. Тебя как зовут-то?

– Игорь, – ответил я.

– А меня все зовут просто дедушка Мустафа. Моё отчество сразу и не выговоришь.

Он с интересом огляделся вокруг:

– Красиво, как в раю. Когда-то, сынок – это было давно – я жил здесь. Вон за теми деревьями стоял наш дом. Потом нас переселили в Керчь, так решили власти. Там степь и

нет здешних красот. Захотелось на старости лет посетить места, где родился. В этом году мне исполнится сто лет. Надеюсь, что Аллах смилостивится надо мной, и я легко уйду туда, где всех нас ждёт вечная жизнь.

Вон в том месте, – указал он в сторону купола, скрывающего источник, – было небольшое озеро. Из него вытекала речушка. Она, как и озеро, называлась Аджису, что по-татарски означает «солёная вода». Речушка эта впадала в Бельбек, который несёт свои воды к морю. Сейчас той речушки не видно. Пересохла от жары, наверное, но русло осталось, я видел.

Испокон веков все знали, что это озеро имеет лечебную силу. Больные люди и звери приходили сюда, пили эту воду, омывались ею и становились здоровыми. Она помогала всем, даже волколюдям, которые тогда ещё частенько встречались в наших местах.

– Кому? Прошу прощения, я не расслышал, – автоматически поинтересовался я, слушая монотонную речь старика.

– Волколюдям, – повторил он. – Что, никогда не слышал о них?

– Нет, дедушка Мустафа, не слышал. И как же они выглядели, эти волколюди?

– Сам-то я не видел, не пришлось, но некоторые люди из нашего села встречали их.

Помню, один парнишка – его звали Бейтулла – возвращался поздно ночью домой и вдруг заметил, как огромный волк перемахнул через забор загона для овец, схватил барана, вместе с ним перепрыгнул обратно и помчался к лесу. В этот момент из-за туч показалась полная луна и залила своим светом поляну, по которой бежал волк. Бейтулла своими глазами видел, как в то мгновение, когда лунный свет коснулся волка, тот громко взвыл и упал в траву. Потом вой перерос в хрип, а затем из травы поднялся человек и с бараном на плече побежал в лес. Такую историю рассказал утром Бейтулла.

– Может, он выдумал всё это? Как может волк превратиться в человека?

– Да нет, не выдумал. Бейтулла в ту ночь стал седым, как старик. То, что он увидел, было ужасным и испугало его. С тех пор он никогда не пас сельское стадо, а потом и вовсе уехал жить в Симферополь. Дворником там работал, пока не умер молодым совсем ещё.

– Всё равно, не верится что-то...

– Э, сынок, молод ты ещё, не всё повидал в этом мире. Когда я был совсем маленьким, старики и не такое рассказывали о том, что им приходилось повидать в этих местах. А волколюди тогда встречались часто, овец, коров резали. На них облавы устраивали, убили многих, а те, кто уцелел, ушли в горы и стали бояться людей. Может, они и сейчас там живут, кто знает.

Ну, спасибо тебе, сынок, что поговорил со стариком. Пора мне. Повидал родные места и поеду обратно в Керчь. Это праправнуки мои, – указал он на стоящих в стороне парней, – они помогут мне добраться.

Я встал, попрощался со стариком и тоже пошёл к своему автобусу. «Занятный дедушка, – думал я по пути к санаторию, – почти сто лет прожил, а всё ещё верит в чудеса, которые случались во времена его молодости».

### 3

То, что село Аромат не Париж, я понял где-то на третий день, когда острота впечатлений от пребывания на новом месте стала растворяться в монотонной жизни маленького заштатного санатория. Средний возраст женской части принимающих целебные ванны колебался вокруг пятидесяти, и я уже стал склоняться к мысли, что недалёк тот день, когда мне придётся пристальнее рассмотреть хорошеньких медсестричек, отпускающих разнообразные процедуры, с тем, чтобы ненадолго подружиться с одной из них.

Для этого хотелось бы дождаться приезда Успенцева, который мог составить неплохую компанию, но из-за своих неотложных дел всё ещё никак не мог вырваться ко мне, о чём глубоко сожалел во время вечерних переговоров по телефону. Впрочем, хвала Аллаху, как принято здесь говорить, в корпусе работал вяленький интернет, и вечерами я занимал себя тем, что знакомился с историей мест, куда меня забросила судьба.

После ненавязчивого ужина та часть отдыхающих, которая могла самостоятельно перемещаться на большое расстояние, выходила за ворота и совершала променады по дороге, ведущей в сторону Солнечноселья. Так называлось село, расположенное довольно высоко в горах. Когда-то, во времена бесславно почившего Союза, здесь процветал совхоз, занимавшийся выращиванием яблок, айвы, слив. Сейчас всё это было разрушено.

Деревья, словно старики, оставленные без ухода, медленно погибали от различных болезней. Люди, лишённые присмотра государства и работы, покидали эти места. В селе, поднявшись туда на второй день приезда на автомобиле, я увидел большое количество брошенных домов, остатки автобусной остановки, да висящую на одном гвозде вывеску «Магазин» над дверями здания без окон.

Но асфальтовое шоссе, ведущее к селу, всё ещё было в приличном состоянии. У подножья горы оно раздваивалось, и вторая его часть вела, петляя между возвышенностями, к довольно большому озеру и уходила куда-то дальше, к пансионатам. У отдыхающих шоссе почему-то получило название «Дорога Жизни».

По мере подъёма вверх сзади открывался великолепный вид на долину. Наискосок слева, освещённая лучами заходящего солнца, высилась зеленовато-жёлтая громада горного массива Бойка. Впереди волнистой линией на фоне голубого неба застыли покрытые лесом всё ещё безымянные для меня вершины. У подножья одной из них едва заметным светлым пятнышком выделялся одинокий дом посреди лесного массива.

По обе стороны дороги сосновые и буковые леса покрывали невысокие хребты, уходящие в неизвестность. Между дорогой и лесом справа простирался заброшенный сад, в котором бродили лошади, а слева на заросшем травой пространстве в беспорядке росли кустарники, одинокие деревья, виднелись овраги и тропинки, протоптанные зверьём и людьми.

Первый раз, отправившись в одиночку по Дороге Жизни, я вернулся в санаторий спустя два часа, что называется, уставший, но довольный. Спал после этого мертвецки и решил, что такие прогулки для меня станут ежедневными.

Утром, листая снимки, которые были сделаны с помощью планшета, я случайно обнаружил у обрывистой части горы Бойка небольшую тёмную точку. Это не мог быть дефект плёнки, поскольку она отсутствовала в цифровом гаджете. Снимок был сделан случайно с расстояния примерно пять-семь километров. Мне стало интересно, что бы это могло быть.

Я не поленился, вспомнил геометрию, устройство глазного яблока и вычислил предполагаемые размеры висящего в воздухе непонятного объекта. К моему удивлению оказалось, что он должен был иметь размер не менее десяти метров в поперечнике. Я вспомнил рассуждения об НЛО, которые, если верить Интернету, часто видят в этих местах, подумал о том, что чудны дела Господа нашего, и поместил фотографию на своей страничке в Фейсбуке.

Медленно шёл пятый день моего пребывания на отдыхе. Я втянулся. Ритм ежедневных процедур стал привычным и даже доставлял удовольствие от размеренной и здоровой жизни на безукоризненно чистом воздухе.

Однажды вечером я довольно быстро прошёл плановые пять километров до озера и обратно. Было ещё довольно светло. На окраине посёлка моё внимание привлекла группа местных жителей, что-то оживлённо обсуждающих. Я замедлил шаг и прислушался. Один из мужчин возбуждённо рассказывал, что вчера утром ему удалось из арбалета подстрелить того самого неуловимого волка, который повадился таскать овец из его стада.

– Огромный такой волчара, – жестикулируя, говорил он. – Если бы сам не видел, то не поверил бы, что такие бывают. И не напрасно его называют Призраком: появился, тварь, словно ниоткуда. Совершенно бесшумно перемахнул через ограду и с овцой в пасти тут же прыгнул обратно. Но я ждал его и выстрелил в этот самый момент. Попал в серого, конечно, случайно, врать не стану: Аллах помог, наверное. Волчара взвизгнул, овцу выронил и бросился в лес. Я видел, как он бежал как-то боком, кровь потом на траве нашёл. Я к тому веду, мужики, что, может, облаву устроим? А чё, возьмём собак, ружья и пройдемся по следу. Наверняка ведь найдём его. Ну как, мужики?

Раздался нестройный шум голосов. Обсуждали недолго, а потом один из присутствующих – я понял, что это был начальник местного отделения лесничества – сказал:

– С волком не всё ясно. Уж больно умён этот Призрак: лишнего никогда не берёт, овец почём зря не режет. Ранен он. Выживет или нет, это как Аллах рассудит. Лично я бы его не трогал. Спросите почему, отвечу: не знаю, но трогать не советую.

– Тебе легко говорить, это же он не твоих овец порезал...

– Не моих, согласен. Но в твоей отаре, Абдулла, насколько я знаю, овец штук двести, а сколько волк унёс? Три, четыре, не больше. И хрен с ними, не обеднеешь. Считай, что налог заплатил.

Я не стал слушать продолжение разговора и вернулся в санаторий. Уже у ворот раздался зуммер телефона. Звонил Успенцев, сказал, что реально сможет быть только дня через три-четыре. Раньше начальство не отпустит. Мы посокрушались, но что делать, восприняли это, как стечение неблагоприятных обстоятельств, играющих пока не на нашей стороне.

На мостике я остановился и стал смотреть вниз на чистый поток, текущий с гор. Странное чувство вызывает струящаяся между камней вода. Ощущение такое, словно она смывает все твои проблемы, накопившиеся за прожитые годы, и уносит прочь, далеко отсюда, в море. Там они без следа растворяются в черной бездне, в слое воды, пропитанной сероводородом.

Спустя час я вернулся в корпус. В темнеющем небе уже висела большая часть лунного диска.

## 4

Следующий день у меня был свободен от процедур. Я с вечера продумал, чем займу это время. В багажнике моего «Туарега» лежал хороший горный велосипед со снятыми колёсами. Привести его в рабочее состояние было делом нескольких минут. Ещё в городе я приобрёл подробную карту Горного Крыма и даже наметил два-три маршрута. Один из них пролегал к селу Высокое. Путеводитель утверждал, что это одно из самых красивых мест на полуострове. Татарское название селу – Керменчик, то есть маленькая крепость – дало небольшое военное укрепление, остатки которого всё ещё можно увидеть на вершине одной из ближайших гор. Село располагалось в живописной долине ручья Кечит-Су. В его окрестностях сохранились развалины одиннадцати православных церквей времён княжества Феодоро.

Попасть в село можно было, не мучаясь, на автомобиле, через райцентр Куйбышево по сравнительно приличной дороге. Но мы не из тех, кто ищет лёгкие пути в поисках новых впечатлений. Второй, более короткий маршрут, пролегал через Солнечноселье и далее по горным тропам, как-то невнятно обозначенным на карте.

Со мной за столом сидел молодой парень. Он был в прошлом гонщиком, попал в серьёзную аварию и теперь два раза в год поправлял своё здоровье в «Чёрных водах». Сервер, так его звали, каждый раз приезжал на микроавтобусе, имея в салоне мотоцикл. Он утверждал, что нет окрестных вершин, где он не побывал бы на своей японской машине.

Узнав, чем я собираюсь заняться, Сервер сказал, что быстрее и проще, естественно, ехать нижней дорогой автомобилем, а не велосипедом. Но если хочется экзотики и экстрима, то, конечно же, всего этого неизмеримо больше в горах. Он нарисовал на карте путь, которым следовало пробираться от санатория к Высокому. Правда, предупредил, что после такой езды ноги и задницу я буду ощущать ещё довольно долго. И ощущения эти будут не самыми приятными в моей жизни. Впрочем, узнав, что велосипед у меня марки «Cannondale», смягчил оценку последствий моего мероприятия от «умеренно негативной» до «умеренно позитивной».

Ранним утром я собрал велосипед и соответствующим образом экипировался: кеды, джинсы, бейсболка. В рюкзаке разместились куртка, несколько бутербродов с ветчиной, сыр, пара лепёшек, яблоки, бутылка воды и термос с кофе. В отдельном кармане лежали планшет, телефон и карта. Хотя вряд ли в горах можно было рассчитывать на хорошую сотовую связь.

Подумав, я добавил аптечку, универсальный трансформер, легко превращающийся то в пилу, то в кусачки, то в отвёртку, а в задний карман джинсов положил увесистый складной нож с выбрасывающимся воронёным лезвием. Он был куплен недавно в поселковом магазинчике, после того, как в разговорах местных жителей по разному поводу прозвучало слово «волки». Чем черт не шутит, а вдруг и впрямь они объявились в окрестных лесах.

Около восьми часов я выехал за ворота санатория, рассчитывая вернуться к вечеру.

Сравнительно быстро я добрался до Солнечноселя, где был с энтузиазмом встречен местными пацанами, увидевшими необычный велосипед. Они-то и указали мне дорогу, которая, по их мнению, вела в сторону села Высокое. Это недалеко, утверждали они, километра три, не более. Дорога, правда, плохая. Направление совпадало с тем, что обозначил на карте Сервер, и я без колебаний углубился в лесной массив.

Старая дорога оказалась основательно разбитой. Остатки асфальтового покрытия вскоре сменились гравийным, а затем и вовсе пошла грунтовка. На ней всё чаще стали попадаться ямы, заполненные водой. Дорога становилась всё уже, и вскоре ширина её местами стала не превышать полутора метров. В одном месте она неожиданно раздвоилась. Такое не было предусмотрено в инструкции, выданной Сервером, да и мальчишки почему-то не упоминали об этом.

Я подумал и выбрал ту, что вела левее. С обеих сторон ставшую совсем узкой дорогу окружали деревья. Стало сыро и как-то неуютно. В глубине души я уже стал сожалеть, что пустился в это рискованное мероприятие.

Спустя час лес стал редеть, и вскоре я понял, что выехал на водораздел. Судя по времени и расстоянию, мне уже давно пора было подъезжать к Высокому, но этого почему-то не случилось. Справа от меня уходил вниз пологий склон горы, поросший травой и кустарником, слева было сплошное переплетение орешника, кизила и старых буковых деревьев, а дорога всё продолжала узкой лентой стелиться под колёса велосипеда.

Наконец она окончательно превратилась в тропу, которая уже не петляла как раньше, уходя вверх, а шла почти горизонтально. Ещё немного – и я выехал на небольшую полянку. Отсюда открывался красивый вид на оставшуюся позади долину. Прошло уже более двух часов с того момента, когда позади меня остались ворота санатория. Начинала сказываться усталость, и мне подумалось, что неплохо было бы передохнуть здесь, а заодно и сделать несколько снимков окрестностей.

Я положил велосипед на тропу, налил из термоса кофе в пластиковый стаканчик и сел на краю уходящего вниз склона. Горячий напиток взбодрил, снимки вскоре были сделаны, планшет и термос заняли свои места в рюкзаке. Я, решив продолжить путь, наклонился над велосипедом и в этот момент почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Ощущение было таким, словно на тебя в жару плеснули стакан холодной воды.

Мой тренер по боевому самбо учил, что в подобные минуты, не подавая вида, что противник тобою обнаружен, следует как можно быстрее изменить позицию и принять соответствующую стойку. Я резко сделал выпад влево, собрался и выпрямился в сторону деревьев, откуда исходила угроза. В правой руке, прижатой к бедру, у меня был зажат нож с раскрытым лезвием.

Метрах в семи, на незамеченной мною ранее узкой тропинке, уходящей влево от полянки, сидел пёс. Худой, тёмно-серого окраса, похожий на овчарку, обычный довольно крупный пёс. Я медленно выдохнул воздух, который бессознательно задержал в груди, и сделал шаг на тропу. Цепкое чувство страха растаяло где-то в районе живота.

– Пёс, ты что здесь делаешь, скотина? Напугал до чёртиков.

Я говорил негромко, спокойно, зная, что монотонная речь и отсутствие флюидов страха успокаивает хищников и подчиняет воле человека. По крайней мере, так утверждал всё тот же тренер. Пёс слегка повёл ушами, но не тронулся с места. «Дикий, что ли?» – мелькнула мысль.

– Ну, что ты сидишь? Как ты вообще попал сюда, серый?

Жёлтые глаза зверя без тени страха смотрели на меня. Потом пёс поднялся, повернулся, сделал пару шагов назад и снова сел, глядя в мою сторону. И в этот момент я понял, что совершил две ошибки. Во-первых, по тому, как он двигался, стало ясно, что передо мной никакая не собака, а самый настоящий волк. А во-вторых, два ряда набухших сосков на впадом животе говорили о том, что это самка, у которой есть волчата. И худая она, видимо, была по той же причине.

Странно, но последнее обстоятельство неожиданно успокоило меня. Я наклонился, расстегнул рюкзак и достал пару бутербродов.

– Прости, я не заметил, что передо мной дама. Вот держи, перекуси немного, серенькая.

Я разломил бутерброды и поочерёдно стал бросать половинки к ногам сидящей волчицы. Она с жадностью проглотила их, не жуя, и я понял, что всех моих запасов вряд ли хватит, чтобы насытить голодного зверя. Разорванную на части лепёшку постигла та же участь. Волчица была, видимо, очень голодна, поскольку съела даже оба брошенных ей яблока. Мои запасы уменьшились вдвое.

– Ну, что будем делать, серенькая? Мне как-то нужно дальше двигаться. Может, отправишься к своим детишкам? Они уже, наверное, соскучились по маме. Предлагаю разойтись красиво. Что скажешь на это?

Волчица слабо вильнула хвостом, поднялась, пялась, сделала несколько шагов назад и снова села. Я поднял велосипед и решил немного повести машину в руках, ехать, только убедившись предварительно в том, что опасность миновала, и зверь отправился к своим волчатам. Но в этот момент волчица направилась ко мне, не доходя несколько шагов, развернулась, пошла обратно и снова села, не отрывая от меня немигающих жёлтых глаз. Ей явно что-то было нужно ещё.

– Что ты хочешь от меня, серенькая? – обратился я к ней, сохраняя всё тот же доброжелательный тон. – Говори, не молчи. Ты поторопилась бы, а то дяде уже как бы и ехать пора.

Волчица слабо взвизгнула, бросилась прочь по едва заметной тропе, но затем вернулась, подбежав почти вплотную ко мне, снова отбежала и села на прежнее место, не отводя от меня пристального взгляда.

– Ты хочешь, чтобы я пошёл за тобой? – неуверенно спросил я.

Зверь подпрыгнул на месте, снова подбежал ко мне и снова вернулся на тропу, явно призывая идти за ним.

Я знал за собой одну слабость, благодаря которой время от времени становлюсь активным участником различных историй, которые интеллигентный человек определил бы, как не совсем соответствующие здравому смыслу. Эту слабость мой друг Лёшка Успенцев со свой-

ственной ментам прямокой характеризовал как эгоистический авантюризм, граничащий с идиотизмом. Похоже, сейчас назревала ещё одна такая же история с плохо предсказуемым концом.

Каждый раз, анализируя подобные ситуации постфактум, я с удивлением отмечал, что накануне их развития мой рассудок взрослого человека с высшим образованием странным образом умолкал, полагаясь исключительно на животные инстинкты.

Я спрятал велосипед в кустах так, чтобы он не был замечен с тропы, бросил за плечи рюкзак и пошёл вслед за волчицей.

– Веди, серенькая, – сказал я ей, – посмотрим, что за проблему ты там прячешь.

## 5

Собираясь утром в дорогу, я и предположить не мог, что буду продираться по таким дебрям. Круто опускаясь вниз, узенькая тропинка вилась между кустами терновника, ныряла в заросли ежевики, терялась среди каменных осыпей. Вскоре растительность закончилась, и под ногами возник обрыв. В сотне метров напротив стала видна каменная стена, изрезанная трещинами. Я понял, что нахожусь на борту каньона. Узкий разлом уходил далеко вправо и влево, но цель, куда меня вела идущая впереди волчица, находилась где-то внизу. Я перекрестился и пошёл, уже отчётливо понимая, что совершаю ещё одну ошибку.

Спуск становился всё сложнее, противоположная стена – всё ближе. Я чудом не сорвался с очередного карниза, когда из-под ноги вдруг вывалился кусок известняка и полетел в обрыв. Стук удара внизу был слышен спустя несколько секунд. Я вытер пот, выступивший на лбу, и продолжил свой путь вслед за волчицей. Она размеренно шла впереди, ждала, когда я отставал, и, казалось, совсем не испытывала проблем с передвижением по столь неудобной местности.

Спустя час мы оказались почти у дна каньона. До меня донеслось слабое журчание воды, скрытой в кустарнике, росшем внизу. Последний отрезок пути был очень похож на остаток узкой мощёной дороги, терявшейся в щебне. В каменной осыпи справа на высоте трёх метров явственно просматривалось нечто, похожее на кусок искусственной кладки. Тогда я решил, что это результат причудливого выветривания осадочных пород, слагающих старые горы.

Наконец волчица вывела меня на ровную площадку у подножья горы. Справа она упиралась в практически вертикальную каменную стену, скорее всего естественного происхождения. В нижней её части виднелась дыра с неровными краями. При нашем появлении оттуда выглянули мордочки двух волчат. Увидев меня, они не рискнули подойти к матери и с любопытством принялись рассматривать незнакомое существо.

Слева от площадки поросший кустарником спуск полого уходил вниз, туда, где был явственно слышен звук небольшого водопада. Довольно широкая тропинка вела, скорее всего, к нему. Если бы не обломки разных размеров, скатившиеся с горы, и сухие ветки, лежащие на ней, я рискнул бы предположить, что она очень давно была сооружена руками человека. В ней при определённой доли фантазии можно было усмотреть основательно разрушенную каменную лестницу, ведущую ко дну каньона.

В тени от единственного дерева, чудом выросшего на краю площадки, лежал волк. Его лобастая голова неподвижно застыла на вытянутых лапах. При нашем появлении он сделал попытку подняться, но тут же рухнул обратно. Волчица подбежала к нему, лизнула в нос, и подняла на меня свои жёлтые глаза. Мне стало ясно, зачем она привела меня сюда: волк, отец её семейства, был ранен. Короткая стальная стрела из арбалета пронзила его холку ниже позвоночника и застряла в теле. При этом, видимо, был задет какой-то кровеносный сосуд. Правый бок зверя был весь покрыт свернувшейся кровью.

В моём представлении волк напоминал крупную овчарку. Когда-то в детстве мне даже пришлось видеть этого хищника в клетке передвижного зверинца. Он был худ и совершенно не напоминал того ужасного злодея, каким его описывали в сказках, прочитанных мною к тому времени. Этот же экземпляр был просто огромен. На взгляд от холки до хвоста он был около двух метров.

– Так вот в чём проблема, серенькая, – обратился я к волчице. – Твой друг попал в беду, и ты ждёшь от меня помощи. Ну, что же, давай осмотрим его с твоей помощью.

Она слабо вильнула хвостом, как бы соглашаясь с моими выводами, и снова лизнула в нос лежащего волка. Я подошёл ближе и присел, рассматривая рану. Из входного отверстия торчало оперение короткой стрелы, из выходного – острие. Рана нагноилась и выглядела просто ужасно. В неподвижном воздухе был едва слышен сладковатый запах разложения.

– Тяжёлый случай, серенькая. Прости, но мне нужно подумать.

Я выпрямился, размышляя над предстоящей операцией. Молчать было нехорошо, и я продолжал вслух негромко рассуждать, рассчитывая на то, что монотонная речь будет действовать успокаивающе на застывших в ожидании зверей.

– Впрочем, что это я так не по-светски обращаюсь к даме. Нужно дать вам имя, дорогая. Пусть это будет, скажем..., – мне вспомнилась почему-то известная песня Меладзе, – Сэра. Согласитесь, неплохо звучит: Сэра. Что скажете, мадам?

Волчица вильнула хвостом, прижала и снова подняла уши, словно соглашаясь со сказанным.

– Вот и отлично, в таком случае перейдём на «ты». Итак, ты будешь Сэра, а твой друг пусть остаётся тем, кем его называют люди, то есть – Призрак. Ты побудь с ним, а я пока приготовлю инструмент.

Я вернулся к рюкзаку, оставленному у стены, достал трансформер. Несколько движений, и в руках у меня уже были кусачки. Я подошёл к лежащему волку, сунул сзади за ремень раскрытый нож и осторожно потрогал оперение стрелы. Оно было выполнено из тонких стальных пластин.

– Потерпи, брат Призрак, сейчас будет больно, – сказал я и начал аккуратно откусывать кусочки оперения. Волк глухо заворчал, но голову с лап не поднял. Сэра аккуратно вылизывала его морду, словно пытаюсь таким образом уменьшить страдания своего спутника.

Вскоре оперение со стрелы было удалено. Теми же кусачками я прочно зажал острие и резким движением выдернул стальной стержень из холки. Призрак взвыл, подняв вверх голову, но тут же уронил её обратно. Вой перешёл в глухой стон облегчения. Волк закрыл глаза, а Сэра положила лапу ему на голову и тихонько заскулила.

– Ну что, ребята, будем считать, что первый этап операции прошёл успешно. Осталось обработать и перевязать рану. Надеюсь, что заживёт, как на собаке, хотя я понимаю, что вам противно слышать такое сравнение. Передохните пока, а я наберу воды.

Я взял свою опустевшую бутылку и пошёл вниз на звук ручья. Шагая по камням, которыми была выложена дорожка, я ещё раз удивился тому, насколько случайная игра природы позволила создать нечто, похожее на творение человеческих рук. Лестница, ни дать ни взять, хотя и основательно подпорченная временем.

Метрах в десяти я обнаружил ручей с прозрачной холодной водой. Каменистое дно его было усеяно мелкой галькой. На берегу были видны многочисленные следы маленьких и больших лап. Чуть выше по течению нашёлся и водопад, звук которого я слышал, опускаясь в каньон по последнему карнизу.

Я набрал полную бутылку воды и собрался уже уходить, но случайно взглянув на дно в месте падения струи, заметил торчащий из песка плоский обломок правильной формы, по цвету напоминающий керамику. Поднатужившись, я выдернул его и увидел, что держу в руках нижнюю часть какого-то сосуда диаметром сантиметров тридцать. «Очень кстати, –

подумалось мне, – сооружу из этой штуковины поилку для волка». Я вымыл найденную ёмкость, набрал в неё воды и вернулся на площадку.

Мой серый Призрак лежал на прежнем месте. Сэра осторожно вылизывала его раны. Я где-то читал, что слюна собак обладает свойствами антисептика. Так что ничего страшного, пусть лижет. Волк не стал пить воду из принесенного черепка. Он безучастно смотрел перед собой, не реагируя на разговор.

– Так не пойдёт, дорогой, нужно попить. Хотя бы немного.

Я сел рядом, положил его голову себе на колени, и повернул чуть набок. Затем, раздвинув огромные белые зубы, из узкого горлышка своей бутылки тонкой струйкой стал лить воду в пасть. Волк невольно глотнул, затем ещё и ещё. Часть воды пролилась на землю, но больше половины её мне удалось влить в измученного болью зверя.

– Отлично, дорогой! Теперь чуть передохнём и обработаем твои раны. Что-то подсказывает мне, что ты будешь жить ещё долго и счастливо. Посмотри, какая у тебя красавица подруга, какие славные детишки. Нет, дружище, тебе ещё рано уходить в лучший мир.

Волк слушал, закрыв глаза. Бока его часто вздымались в такт дыханию. Я осторожно выстриг шерсть вокруг отверстий раны, затем отрезал тонкую ветку, очистил её от коры и обвязал бинтом из аптечки. Сверху на бинт лёг тонкий слой густого антисептика. Теперь предстояло самое сложное: нужно было прочистить рану.

– Сэра, – подозвал я волчицу, которая улеглась перед норой в скале, позволив волчатам добраться до её сосков, – иди сюда, дорогая. Нужна твоя помощь.

Кроме шуток, она явно понимала, о чём идёт речь. Волчица стряхнула детенышей и подошла ко мне.

– Отвлеки его, Сэра. Мне нужно обработать рану.

Она легла, положив свою морду и правую лапу на шею Призрака, и замерла.

– Приготовься, дружище, сейчас будет очень больно.

Я осторожно помассировал воспалённую ткань вокруг входного отверстия и решительно ввёл в рану тампон, несколько раз прочистив рану, словно поршнем. Из выходного отверстия вытек гной, а затем показалась кровь. Призрак судорожно вздрогнул под весом лежащей на нём подруги, взвыл и застонал, как человек от непереносимой боли.

– Всё-всё, брат, уже всё кончено. Больше больно не будет, успокойся.

Я погладил его огромную лобастую голову, почесал за ушами, успокаивая зверя. Вскоре дыхание Призрака стало ровным. Я смазал кожу вокруг ран йодом, наложил тампоны с мазью и зафиксировал их бинтом, перевязав туловище. В моей аптечке нашлись две ампулы антибиотика. Подумав, я набрал их содержимое в один шприц и сделал инъекцию в бедро лежащего волка. Такую мелочь на фоне предыдущих испытаний он даже не почувствовал.

Всё было сделано. И только сейчас я понял насколько устал. Сказались подъём в горы на велосипеде, непростой спуск в каньон, и нервное напряжение оттого, что рядом находится, хотя и больной, но всё же невероятно сильный дикий зверь с непредсказуемой реакцией.

Я присел рядом с лежащим волком, достал из рюкзака кусок сыра, лепёшку и стал есть. На часах уже было около двух. Нужно было думать о возвращении домой. При этом я понимал, что подъём вверх будет лишь немногим проще предыдущего спуска.

Учуяв запах еды, Сэра уселась напротив и стала пристально наблюдать за мной. Двое волчат пристроились рядом и тоже стали смотреть. Глядя на эту картину, я усмехнулся:

– Да, ребята, с вами не соскучишься.

Я положил перед каждым из волчат по крупному кусочку сыра, чтобы они не могли проглотить их сразу, а Сэре стал понемногу скормливать последний бутерброд с ветчиной и часть лепёшки. Вскоре с едой было покончено. Призрак, судя по ровному дыханию, спал. Пора было уходить.

– Ну, что, дорогая, – обратился я к волчице, почёсывая её за ушами, – мне нужно идти. Завтра я вернусь и принесу вам поесть. Воду твоему другу я оставлю. Думаю, он захочет пить, но это будет позже.

Я ещё раз спустился к водопаду, набрал воды в найденный черепок и вернулся на площадку. Там я поставил ёмкость рядом с мордой спящего Призрака, собрал свой полегчавший рюкзак и отправился в обратный путь. Внизу меня провожали взглядами Сэра и сидевшие по бокам волчата. Потом их скрыл выступ скалы, и я сосредоточил своё внимание на том, чтобы не свалиться в каньон.

Путь наверх занял около полутора часов. Там я отдышался, оседлал велосипед и, слава Богу, уже с горы вниз тронулся к Солнечноселью.

В санаторий я прибыл к вечеру. Дрожали уставшие с непривычки ноги, неудобно чувствовало себя оскорблённое седалище. Хотелось только принять душ, поесть и броситься в постель, что, собственно, я и сделал в обозначенном порядке. На вопрос Сервера в столовой, как прошло путешествие, мне пришлось сказать, что впечатление навсегда останется в моей жизни, и это было очень близко к истине.

Уже засыпая, я с высоты отчётливо увидел лежащего на площадке Призрака и сидящую рядом Сэру. Из дыры в каменной стене выглядывали любопытные мордочки волчат. Эту картину неярко освещал холодный свет неполной луны.

## 6

На следующий день я с утра принял полагающиеся ванны и стал собираться к своим волкам. В местном магазинчике были приобретены три пачки овсяных хлопьев и такое количество бульонных кубиков, что продавщица, подозреваю, увидела во мне перекупщика. Кроме того, в мясном отделе мне продали какие-то кости с остатками мяса, утверждая, что они бараньи, и два батона варёной колбасы. После этого, припомнив свой вчерашний спуск в каньон, я решил, что еды достаточно.

Велосипед разместился в багажнике моего «Туарега». Туда же я поместил и две пустые пластиковые пятилитровые бутылки, из нижней части которых должны были получиться хорошие плошки для еды. Идея проехать часть пути в машине пришла мне под утро. Это была хорошая мысль, благодаря которой я выигрывал час-полтора времени. Пополнив запас медикаментов в аптечке, я тронулся в путь.

В Солнечноселье вчерашние пацаны уже как старому знакомому подсказали, что машину лучше всего оставить у дедушки Ахмеда. Там её точно никто не тронет, уверяли они. Крепкий старик лет восьмидесяти на вид без лишних разговоров показал место под навесом, от денег отказался, но взял слово, что на обратном пути я выпью с ним чая и поговорю о том, что делается в окружающем мире. Это был нормальный обмен жизненными ценностями, и я согласился.

Повторив вчерашний путь, я ближе к полудню снова увидел под собой площадку, на которой резвились волчата. Призрак по-прежнему лежал, но голова его была поднята, и я счёл это хорошим признаком. Сэра сидела рядом. Услышав шаги, волки настороженно замерли, но увидев меня, успокоились. Сэра с волчатами даже подошла к краю тропинки, выходящей к подножью скалы.

– Ну, здравствуйте, ребята! – сказал я им, снимая рюкзак с плеч. – Как провели ночь?

Судя по вилянию хвостов и движению ушей, ночь прошла неплохо. Я потрепал Сэру по голове, погладил волчат, которые уже настолько освоились, что даже пытались, играя, куснуть меня за руку. Затем достал бараньи кости из рюкзака и бросил их на камни. Сэра и волчата принялись с увлечением грызть неожиданный подарок.

Жёлтые глаза Призрака бесстрастно наблюдали за происходящим. Даже в лежачем положении кончики его ушей были выше моих колен. Огромный был волчара. Такой без труда мог перемахнуть через забор с бараном в зубах.

– Привет, серый брат! – подошёл я к нему. – Как себя чувствуешь? Выглядишь уже неплохо. Уж точно лучше, чем вчера. Давай-ка, дорогой, я осмотрю тебя. Лежи и не волнуйся: всё будет хорошо.

Призрак положил голову на вытянутые лапы и замер. Впечатление было такое, будто он понимал суть моих негромких фраз, которые я произносил скорее для собственного, чем для его успокоения. Нос волка был влажным и прохладным на ощупь. Отверстия раны затянулись и покрылись твёрдой коркой. Я смазал их и перевязал. Волк, не дрогнув, перенёс инъекцию антибиотика. Сэра оставила кость, села рядом и молча наблюдала за моими действиями.

– Молодец, Призрак, хороший парень. И ты, молодчина, девочка. День, другой – и будете вместе бегать по горам. Овец только не трогайте, и всё будет хорошо. Люди нервничают, стреляют чем ни попадя, а у вас, между прочим, дети. Уходите подальше в леса, где ещё сохранилась дичь, охотьтесь, и никто вас не тронет. Сейчас я вам организую поесть и буду собираться. Мне ещё чай пить с дедушкой Ахмедом, а это, я чувствую, процесс не быстрый.

Я спустился к ручью, попил сам у водопада, рассеянно глядя на разноцветные камешки на дне, набрал воды в импровизированные плошки и вернулся обратно. Растёртые в порошок бульонные кубики, нарезанную мелкими ломтиками колбасу я бросил в воду, добавил овсяных хлопьев и перемешал всё это, пока не получилась однородная вкусно пахнущая густая масса. Одну плошку я поставил перед Сэрой, другую – у морды лежащего волка.

Волчица уступила первенство детям и, только выждав, когда они съели половину, принялась есть сама. Призрак понюхал еду, недоверчиво несколько раз лизнул и тоже стал есть. Процесс этот не занял много времени. Такого количества пищи для волков было явно мало, и я повторно наполнил плошки. Вскоре бока у волчат раздулись. Они, пошатываясь, отправились в тень и тут же уснули. Угас голодный блеск в глазах Сэры, и даже Призрак поднялся, прошёлся по площадке, попил воды и снова лёг, закрыв глаза. Волчица подошла ко мне, потёрлась носом о ногу. Я почесал ей за ухом, погладил по голове:

– Что, Сэра? Успокоилась немного, девочка. Всё, как видишь, идёт к лучшему. Друг твой поправится, детишки подрастут. Место вы выбрали глухое, вряд ли кто доберётся сюда. Я вернусь завтра и снова принесу еды. Так что, ты лучше не высывайся. Сидите здесь тихо, и всё будет хорошо.

Волчица несколько раз лизнула мою ладонь, словно благодаря за поддержку. Нужно было собираться в обратный путь. Вскоре рюкзак был за плечами, я помахал Сэре, глядящей на меня снизу вверх, и стал подниматься по стене каньона.

Мой «Туарег» был на месте, дедушка Ахмед – тоже. Увидев меня, он широко улыбнулся и сказал:

– Ты вовремя, дорогой! Мне соседка только что принесла свежие лепёшки, и у меня есть мёд. Мы сядем за стол вон там, за домом, скажем спасибо Аллаху за еду, что дал нам сегодня, и будем пить чай по-турецки. Ты руки обязательно вымой, я солью тебе.

– Хорошо, дедушка, только велосипед уложу в багажник.

Вскоре мы сидели за столом, стоящим под навесом из камыша. Отсюда открывался великолепный вид на долину Бельбека. Слева высилась громада горного массива, похожего на спящую черепаху, впереди и справа замерли покрытые лесом старые горы. Далеко внизу вилась серая лента шоссе.

Дедушка Ахмед разлил чай в армуды – стаканчики из тонкого стекла, формой напоминающие маленькие кувшинчики, разломил лепёшку:

– Угощайся, сынок. Устал, небось, катаясь по нашим горам? До Высокого доехал? Там очень красиво.

– Да, устал немного, хотя до Высокого так и не добрался. Но перед лицом такой красоты, как ваша долина, всё это, дедушка, мелочи. Вы, наверное, привыкли к этому и уже не замечаете?

– Не совсем так, дорогой. Я родился здесь, в этом селе ещё до войны. Это сейчас оно называется Солнечноселье, а тогда было – Аиргуль. Мне девяти не исполнилось, когда нас переселили в Узбекистан. А вернулся в своё родное село восемнадцать лет назад, когда стукнуло шестьдесят. Молодой всё ещё был, хотя уже и не очень.

Жену похоронил в Ташкенте, где мы жили после Ферганы. Здесь жениться не стал. Нужно было сыновей на ноги ставить. Их у меня четверо, поздние дети. Сейчас один держит хороший магазин в Бахчисарае, другой имеет кафе на Ай-Петри и дом в Соколином. Ещё двое живут и работают в Симферополе, таксисты. Все хорошо живут, восемь внуков у меня, хвала Аллаху!

А красоту нашего края только сейчас и стал замечать. Раньше не до этого было: работа, дети. Теперь каждое утро сажусь здесь и смотрю на долину. Наверное, рай должен выглядеть так же. Разные мысли приходят в голову, сынок, когда чувствуешь, что жизнь твоя прожита и клонится к закату.

– Жалеете, что не всё в жизни было так, как хотелось бы?

– Нет, сынок, не жалею. Всё в руках Аллаха. Он дал мне мою жизнь, мои трудности, моих детей. Это Его воля, и я её по мере сил своих исполнил. Может, я в чём-то иногда был не прав, но не со зла, а по недоразумению. Думаю, Аллах простит мне мои прегрешения, когда я предстану перед ним в свой час.

– Уверен, так и будет.

Мы замолчали. Лепёшка была ещё тёплой, мёд необыкновенно вкусен, чай источал аромат мяты. Долина перед нами была слегка подёрнута лёгким маревом дневного зноя.

– Скажите, дедушка Ахмед, – обратился я к старику, вспомнив своих серых друзей, – вы ведь знаете, наверное, местные предания. Упоминается ли среди них что-нибудь, связанное с волколлюдьми?

– Откуда ты слышал о них?

– Да пару дней назад в водолечебнице встретил одного старика, который в сопровождении внуков приехал взглянуть на родное село. Говорил, что ему уже почти сто лет, зовут Мустафа. Сейчас живёт в Керчи. Мы разговорились, и он, между прочим, поведал историю о том, что в молодости в этих местах встречались так называемые волколюди. Как думаете, это местные сказки, или в самом деле было нечто подобное?

Дедушка Ахмед не спеша наполнил наши стаканчики чаем, отпил глоток:

– Знаешь, сынок, когда я был мальчишкой, такие слухи бродили в нашем селе. Сам я их не видел, не стану врать, но на краю нашего села и сейчас ещё живёт старуха по имени Мариам. Её считают немного сумасшедшей. Так вот, она всем рассказывает одну и ту же историю о том, как ещё девочкой заблудилась в лесу.

Блуждая, она вышла на край большой поляны и присела отдохнуть. Была полная луна. Её свет ярко освещал всё вокруг. Вдруг она услышала лёгкий шум – и на поляну из леса вышли волки. Их было семь или восемь. Она говорила, что это были необычные волки, поскольку таких огромных зверей ей не приходилось видеть. Охотники часто приносили в село убитых хищников, и она знала, что те не намного больше наших собак. Но эти были гораздо крупнее.

Волки стали кружком в центре поляны, подняли головы к небу и замерли. Так они стояли довольно долго, а затем начали бегать по кругу друг за другом, всё ускоряя свой бег. И вдруг они громко завyli, рухнули в траву, вой перешёл в стон, и всё стихло. А потом из

травы поднялись обнажённые люди – мужчины и женщины. Они стали плясать и радоваться, протягивая руки к луне.

Девочка, увидев это, от страха потеряла сознание, а когда пришла в себя, уже наступило утро. Поляна была пуста, лишь трава в её центре была вся вытоптана. Мариам вернулась в село, но говорить не могла, только мычала что-то невнятное и стала бояться собак. Потом это прошло. Речь вернулась к ней, и она всем стала рассказывать необычную историю о том, что довелось ей увидеть на поляне в ночном лесу. Ей не поверили тогда, не верят и сейчас, и по-прежнему считают немного сумасшедшей.

Ты можешь не искать её. Ничего более она тебе не расскажет. Так что, сам решай: есть ли в наших местах волколюди или всё это выдумки богатых на вымыслы людей.

Он замолчал, отломил кусочек лепёшки и стал аккуратно макать её в мёд.

– Интересно, а вдруг эта девочка и в самом деле видела что-то необычное?

– Всё может быть. Аллах всемогущ, и воля его не имеет границ.

В кармане раздался негромкий зуммер телефона. Сотовая связь в селе всё-таки существовала. Я активировал вызов.

– Привет! – раздался бодрый голос Успенцева. – Ты где это находишься, что до тебя невозможно дозвониться?

– Привет, Лёха! Рад тебя слышать. Я в горах, а здесь не везде берёт телефон. Ты сам-то как? Когда тебя ждать?

– Ты не поверишь, но твой старый друг уже час как обретается у ворот роскошного санатория с надписью «Черные воды». Начальство неожиданно решило дать мне пару недель отдыха. Я не стал ждать, когда оно передумает. Шесть часов в пути – и вот я здесь. А что, женский контингент здесь на самом деле такой, каким я его вижу?

– Не всё так печально, старик, там есть ещё очаровательные медсестрички.

– Слава Богу, сразу как-то полегчало. Тебя когда ждать?

– Слушай, наберись терпения, погуляй ещё минут пятнадцать и я приеду. Хорошо?

– Договорились, Игорёк, я жду тебя у тех ворот, что со шлагбаумом.

Я попрощался с дедушкой Ахмедом, дал слово ему, что мы с другом обязательно будем его гостями, и рванул на встречу с Успенцевым.

## 7

«Паджеро» своего друга я увидел издалека. Лёшка стоял рядом, беседуя с охранником. Мы обнялись, обменялись обычными в таком случае репликами и направились в регистратуру. Комната его оказалась неподалёку от моей. Я решил передохнуть после очередной вылазки в горы, а Лёшка стал раскладывать вещи. Потом мы выпили по три рюмки закарпатского коньяка, который он привёз, и отправились на ужин.

Спустя непродолжительное время мы сидели на скамейке у волейбольной площадки, наблюдая за тем, как перемещаются немногочисленные отдыхающие. Близился вечер. На безоблачном небе уже отчётливо вырисовался бледный диск луны. Ещё день-другой – и можно будет любоваться полнолунием.

– И чем же занимается местный народ в минуты вечернего безделья? – спросил Лёшка, задумчиво покусывая травинку.

– Разными делами, мой друг. Кому повезло, те предаются любовным забавам, те же, для кого уже и отдых является работой, отдыхают после процедур праведных, остальные обычно совершают перед сном прогулку по Дороге Жизни.

– Что это ещё за Дорога?

– А пойдём-ка и мы пройдемся. Кстати, посмотришь на общий вид долины, там очень красиво.

– Давай пройдемся и – спать. Что-то меня сейчас не тянет на активные приключения. Кстати, расскажешь, чем ты здесь занимался без меня. Небось, уже познакомился с какой-нибудь местной красоткой?

– Увы, это не так, мой уставший друг. Хотя, вру, одна красотка по имени Сэра в моей жизни появилась. Идем, по дороге расскажу.

Мы вышли за пределы санатория, свернули направо и медленно пошли по дороге. Я рассказал о своих приключениях в горах, о волчьем логове в глубоком каньоне, о том, как взял шефство над звериной семьей.

– Завтра я снова собираюсь навестить их. Составишь компанию?

– А что, пожалуй, рискну. Велосипед я тоже захватил по твоему совету, процедуры у нас утренние, часть их вообще пропустить можно. Так что едем, посмотрим на твоих необычных волков.

– Отлично, и еды мы захватим вдвое больше.

Незаметно мы поднялись к месту, где поднимающаяся вверх дорога начинала опускаться вниз. Успенцев остановился и посмотрел на оставшуюся сзади долину. Вечернее солнце начинало заходить за гору справа, и окрестности были освещены неярким чуть розовым светом. Отсюда отчетливо была видна отвесная стена у массива, возле которой я случайно снял непонятный предмет.

– Это что за высотка? – спросил Лёшка.

– Пред тобой знаменитая своими необычными явлениями гора Бойка. Место Силы, как вполне серьезно утверждают полусумасшедшие уфологи. Помнишь, я высылал тебе фотографию с пятнышком возле вон того светлого пятна. Кстати, я потом не поленился и вычислил, что диаметр того непонятного летающего объекта должен быть около десяти метров. Как тебе?

– Да, это интересно. Хотя, если напрячься и подумать, то можно найти и вполне вменяемое объяснение твоему пятнышку. Но не об этом сейчас... Смотрю я на эту картину, мой друг, и реально ощущаю, как от этих гор веет стариной, приключениями и затерянными сокровищами.

– Ты совсем недалек от истины. Я вот уже несколько дней копаюсь в истории этого края. Оказывается, на этих горах и в долине с тринадцатого по пятнадцатый век располагалось православное княжество Феодоро. Его столицей была крепость Мангуп. Позднее она была разрушена турками. Обязательно поедем взглянуть на её развалины, это недалеко. На окрестных горах, а в особенности в районе села Высокое, куда я никак не могу доехать из-за моих сереньких друзей, можно увидеть остатки церквей с фресками того времени. Их мы тоже непременно осмотрим.

Это то, что касается старины, но ты прав и в отношении тайны, которую хранят эти горы. Легенды утверждают, что властители княжества владели двумя реликвиями: наковальней и неким сосудом.

Что собой представляет наковальня и чем она была так дорога князьям и народу Феодоро, неясно, а вот в отношении сосуда мнения разделились. Одни считают, что это была купель, в которой купали новорожденного Христа, другие склоняются к тому, что это и есть знаменитый Святой Грааль. Тот самый кубок, который Христос подал своим ученикам на Тайной вечере, и куда позже на Голгофе собирали его кровь. Попала эта вещь сюда якобы из Византии, когда там образовались неслабые проблемы с соседями. По слухам, тот, кто владеет кубком, обретет вечную молодость и будет ему счастье.

Позже в этих горах его искали немцы во время Второй мировой, до этого – чекисты, но так и не нашли. По легенде эти реликвии скрыты в каком-то тайном хранилище, которое сооружено в глубине одной из гор, где их охраняют некие высшие силы.

Такие вот дела, брат. Как тебе моя эрудиция?

– Неслабо, впечатлил. Всё узнал, конечно же, из Интернета?

– Естественно, Google знает всё. Ты перед сном посмотри публикации на эту тему. Там, кстати, и фотографии уцелевших фресок есть. Скажу сразу, что купель на них меня не впечатлила. И совсем она не похожа на кубок Грааля. Да и вообще она не похожа на любой кубок: купель как купель. Такая себе ванночка, короче.

– Хорошо, непременно посмотрю. Давай-ка, Игорёк, обратно, что-то меня в сон клонит от такого обилия свежего воздуха.

Мы вернулись в санаторий и разошлись по своим комнатам, договорившись, что завтра после утренних процедур сразу же поедem навестить волчье семейство.

Следующий день, как и все предыдущие, был солнечным, небо над долиной было безоблачным и поражало своей синевой. Приняв положенные ванны и пополнив запасы продуктов, мы отправились в горы. Машина, как и день назад, была оставлена под присмотром дедушки Ахмеда. Поддавшись уговорам старика, мы выпили с ним по стаканчику чая, затем оседлали свои велосипеды и тронулись в путь.

Увидев расщелину, куда нам нужно было опускаться, Успенцев несколько изменился в лице, но всё же последовал за мной. Целый час медленного спуска я выслушивал его замечания в отношении убожества моего интеллекта, о том, что мы так не договаривались вчера, и вообще ещё день назад он совсем по-другому представлял себе отдых в Крыму. Я молчал, возражать было трудно.

Наконец, показались последний карниз, напоминающий часть скрытой осыпью дорожки, и – площадка внизу. Звери, конечно же, слышали ворчание моего друга. Волчата при нашем появлении скрылись в дыре, Призрак и Сэра стояли в боевой стойке, явно собираясь защищать своё потомство. Увидев их, я велел Лёшке заткнуться, и помахал волкам рукой:

– Привет, ребята! Это я, а за моей спиной тоже хороший человек. Это мой друг, не нужно его опасаться. Призрак! Сэра! Успокойтесь, мы свои.

Позже Лёха признался, что увидев волка, первым его желанием было ловко вскарабкаться по скале, сесть на велосипед и крутить педали до тех пор, пока не покажется вокзал Симферополя. И только необычная слабость в ногах и спазм в желудке не позволили реализовать эту единственно правильную мысль из всех, что родились с утра в его голове.

Моя спокойная речь, видимо, произвела на волков должное впечатление. Призрак повёл ушами и сел, Сэра подошла ближе к тропинке, на которой стояли мы с Успенцевым. Я спустился к ней, погладил по голове, провёл рукой по спине. Она ткнулась влажным носом мне в руку, требуя продолжения.

– Лёха, подойди, к нам. Только медленно, без суеты. Они должны понять, что ты их не боишься, и ты не враг. Говори любую чушь, как ты это умеешь, но негромко и по возможности ласково, хотя тебе и не свойственно последнее по характеру работы.

– Хорошо, иду, мой бывший друг. Должен сказать, что, как обычно, при мне имеется табельное оружие, которое я по глупости оставил в машине. Из него я застрелю тебя, когда мы вернёмся. Уверен, что выслушав все истории, в которые мы вляпываемся исключительно по твоей инициативе, любой суд оправдает меня, даже не дослушав до конца. Возможно даже, что мне дадут путёвку куда-нибудь в места более цивилизованные, чем то, где мы находимся сейчас.

Всё это было произнесено негромко, внятно и где-то даже нежно, особенно в том месте, где он собирался застрелить меня из пистолета. Лёха медленно подошёл к нам, протянул руку и погладил волчицу по холке. Она села у наших ног. Призрак, увидев, что опасность не грозит его семейству, отошёл в сторону и лёг в тени дерева, привычно положив голову на лапы.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.